Джилл Барнет

Великолепный

Джилл Барнет

Великолепный

Серия «Великолепный», книга 1

OCR Anita; SpellCheck SAD
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156759
Великолепный: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-088010-3

Аннотация

Юной наследнице замка Камроуз, озорной леди Клио пришлось провести в монастыре шесть лет в ожидании Меррика де Бокура, которому она предназначена в жены. Она верила, что ее ожидает великая любовь, но суровый рыцарь вовсе не похож на изящного кавалера, о котором она мечтала. И вот в ее взбалмошной головке рождаются планы мести своему невнимательному жениху – один коварнее другого...

Содержание

ЗАБЫТАЯ ТАЙНА 4
1 7
2 14
3 31
4 45
5 65
6 76
7 92
8 107
9 116
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Джилл Барнет
Великолепный

Посвящается Крис

ЗАБЫТАЯ ТАЙНА

В незапамятные времена – когда люди не имели представления, что такое геральдика и рыцарская доблесть, а самих рыцарей, их замков, турниров и крестовых походов еще не было и в помине – повсеместно славился древний напиток, обладавший удивительной и могучей силой.

Звался он вересковым элем.

Впервые вересковый эль сварили дикие язычники-варвары, которые раскрашивали свои тела синей краской и называли себя пиктами. Отправляясь на войну из урочищ Шотландии, где они обитали, пикты пили вересковый эль и становились настолько бесстрашными и неуязвимыми в бою, что даже непобедимые солдаты Юлия Цезаря ничего не могли с ними поделать.

Рецепт приготовления напитка хранился в строжайшей тайне и был чрезвычайно сложен. По слухам, в эль добавляли и дикие лесные травы, и цветы папоротника, распускающиеся только в ночь полнолуния, и волшебные кристаллы с

гор, и, конечно же, вереск – только особый, с красным, будто кровавым, оттенком.

Некоторые, впрочем, утверждали, что магическая сила эля заключалась не в рецепте его приготовления, а исходила от самих пивоваров-карликов, которые населяли этот дикий горный край. Считалось, что сила эля находится в прямой зависимости от мыслей, желаний и чаяний пивовара.

Сказать по правде, никто не знал наверняка, как и отчего эль обретал свою волшебную силу. Однако все были уверены, что вересковый эль ею обладал.

Древний рецепт приготовления эля сгинул вместе с пиктами, но еще долгие годы после этого люди пытались его воссоздать. Кое-кто перекапывал окрестные холмы в надежде обнаружить сундуки с сокровищами, оставленные карликами-пивоварами, а заодно – и драгоценный рецепт. Другие варили в огромных черных котлах зловещего вида пойло из сорных и ядовитых трав, бормоча при этом заклинания, смысла которых никто разобрать не мог.

Некоторые торговки пивом опускали в чаны с элем кусочки горного хрусталя, лили туда различные зелья и снадобья, после чего распускали слухи, что заветный вересковый эль в самом деле имеется – но только у них в заведении. Многие ни в чем не повинные любители эля, отравившись этой гадостью, отдавали богу душу – и тогда торговок казнили.

Поиски заветного рецепта продолжались в течение восьми веков, но никому так и не суждено было его отыскать.

Скептики заявляли, что все разговоры о вересковом эле – бабушкины сказки и его отродясь не существовало.

Но многие в этот волшебный напиток верили. Некоторые даже утверждали, что им удалось-таки отведать верескового эля в ночь полнолуния, когда, как известно, леса и горы наполнялись крохотными существами – эльфами, феями, гномами, – а также привидениями и прочей нечистью. В такие волшебные ночи сидр превращался в вино, солома – в золото, а миром правила любовь, и девушки чаще обычного развязывали свои пояса. Любовные утехи в те ночи обретали особенное неистовство, и это... это было воистину великолепно!

1

Замок Камроуз, 1269 год

Отец леди Клио считал, что светлые, будто отлитые из серебра, волосы его дочери – главнейшее ее достояние. А возможно, и его тоже – это уж как посмотреть: ведь рано или поздно он должен был выдать дочь замуж за какого-нибудь несчастного, ни о чем не подозревающего болвана.

Впрочем, на первый взгляд, леди Клио из Камроуза была просто рождена для того, чтобы составить счастье всей жизни не очень сильного духом мужчины, неважно – короля или рыцаря, крестьянина или купца. Всякий кроткий представитель мужского пола в ее присутствии чувствовал себя человеком мужественным и готовым к подвигам. Она выглядела как идеальная жена, которая наверняка предоставит будущему мужу безраздельно царить в своем замке. Да и головка ее была такой светлой, такой легкой, что, казалось, мысль в ней не могла задержаться. Это должно было убедить любого претендента на ее руку, что в умении шевелить мозгами он окажется сильнее ее, а следовательно, будет господствовать над ней и в этой сфере. Тем более что, в соответствии с учением отцов церкви, цвет волос женщины определял ее истинную сущность. И многие искренне полагали, что волосы у человека растут прямиком из мозга.

Огненно-рыжие волосы у женщины служили для мужчи-

ны безусловным свидетельством того, что у нее дьявольски развит дух противоречия. Каштановые волосы, вернее сказать, волосы цвета коры, почитались самыми обыкновенными, банальными, поскольку две трети Англии в те времена покрывали леса. Оттого считалось, что у женщины с каштановыми волосами не развито воображение. Волосы цвета ночи – а каждый знал, что ночь – это время ведьм, – выдавали в женщине избыток ума и предрасположенность к греху и злодейству. Отцы церкви даже склонялись к мысли, что у Евы – прародительницы человечества – волосы тоже были черны, как первородный грех.

Зато женщина со светлыми волосами почиталась совершенством.

К сожалению, ученые отцы церкви не были знакомы с Клио. Подобно полю, усыпанному золотистыми лютиками, в котором укрылся колючий еж, волосы леди Клио скрывали ее истинную природу. Она была упрямой и целеустремленной, а эти качества весьма почитались у мужчин, но осуждались у женщин.

Отец Клио клялся всеми святыми, что упрямство у нее врожденное. Еще до того, как Клио появилась на свет, ее мать родила пятерых мертвых младенцев. Когда же она была беременна Клио, схватки у нее – как и прежде – начались до времени, и девочка увидела божий мир на два месяца раньше срока. Однако когда замковый капеллан начал читать над крохотным синим тельцем отходную молитву, ре-

бенок неожиданно ожил, лягнул священника в руку, открыл ротик и – по словам отца девочки – огласил стены замка таким воплем, что они едва не рассыпались во прах.

Ко всеобщему удивлению, ребенок выжил. Но с того самого мгновения, как Клио издала первый вопль, она вела бой, не переставая. Казалось, эта девочка задалась целью воевать с целым светом, чтобы только доказать ему, что она существует.

Разумеется, сама Клио себя упрямой не считала. Настойчивой – пожалуй. Но если бы не ее настойчивость и не характер, где бы она оказалась сейчас, спрашивается? Известное дело, где – в могиле. Во всяком случае, Клио была в этом твердо убеждена и уже давно решила, что властвовать над собой не позволит никому, поскольку за собственную жизнь отвечает сама.

Клио верила, что настойчивость – мать успеха. А если какой-нибудь ее великий план даст сбой, то она, черт возьми, выдумает новый!

Она была маленькой и хрупкой, но идеи в ее голову, как правило, приходили грандиозные. А главное – она тут же начинала их осуществлять, не думая о последствиях, которых обыкновенно оказывалось множество.

С другой стороны, никто бы не сказал, что Клио не учится на своих ошибках. Уж глупой гусыней она не была – это точно – и дважды на одни грабли не наступала. Зато совершала пропасть новых ошибок и промахов, что, как ни странно,

ее даже устраивало. Ведь это были ее ошибки и ее промахи, а она решила жить своим умом и идти по жизни своей дорогой, даже если эта дорога будет усеяна осколками разбившихся надежд и мечтаний.

Клио свято верила, что, так или иначе себя совершенствуя, в жизни можно добиться всего. Хотя, если смотреть правде в глаза, никаких серьезных оснований, чтобы думать подобным образом, у нее не было. Казалось бы, вся окружающая действительность должна была уверить ее в обратном. Но Клио всегда была готова бросить вызов судьбе и, вступив в схватку с ней, испытывала от этого восторг и упоение. Правда, люди называли ее усилия тщетными и сравнивали их с попытками мула пробить копытами каменную стену, но Клио не желала сдаваться, как бы ни сложились обстоятельства. Чтобы добиться победы, считала она, нужен новый план, если не сработал старый. А главное, нужна новая, всеобъемлющая идея.

Ох уж эти новые идеи, от которых Клио приходила в восторг! Тот, кто хорошо ее знал, замечал, как они овладевают ею, по некоторым особым признакам. В такие минуты она неожиданно затихала, движения ее замедлялись, а на лбу появлялась крохотная, едва заметная морщинка. При этом Клио начинала покусывать нижнюю губку или крутить на пальце перстень, доставшийся ей от матери, а на лицо ее снисходило умиротворенное, едва ли не ангельское выражение.

Правда, как только ее личико обретало это выражение или, хуже того, когда леди Клио во всеуслышание заявляла, что «ей в голову пришла одна чудесная мысль», ее близкие напрочь лишались мира и покоя.

И на то имелись веские причины.

Как только Клио в десятый раз отметила с родственниками день своего святого, ее отцу пришлось внести большой вклад в Грегорианский монастырь с просьбой к монахам как можно чаще повторять молитву «о вспомоществовании в воспитании». По истечении нескольких месяцев он с удовлетворением констатировал, что эта мера оказала свое действие – во всяком случае новенькую катапульту, рухнувшую в замковый ров, вытаскивали оттуда всего два дня. Это была сущая чепуха по сравнению с предыдущей шалостью его дочери: когда в ров упала повозка медника, обитателям замка понадобилось ровно в два раза больше времени, чтобы ее оттуда достать, Да и денег отцу Клио это стоило немало.

В возрасте двенадцати лет Клио взяла в руки иголку и нитку, чтобы вышить подушечку для гостившего в замке епископа. После того как подарок был вручен, ее отцу пришлось расстаться с немалым количеством золота – только для того, чтобы купить прощение дочерних грехов у этого святого человека. Правда, отец не ведал, что сладострастник-епископ не давал Клио прохода всю неделю, пока жил в замке. Как-то раз – на свою голову – он зажал девочку в темном углу на лестнице, сорвал с ее губ поцелуй и слегка потискал ее

за крохотные груди. После этого Клио и решила продемонстрировать свое искусство: кротко улыбаясь, она вышила на подушечке узор в виде трех шестерок – 666, – что означало знак дьявола.

Когда Клио исполнилось пятнадцать, она оказалась при дворе в свите королевы, откуда ее с позором изгнали уже через пару дней. Тогда ее отец отослал в Рим папе золотую, усыпанную драгоценными камнями чашу в надежде, что святой отец вознесет молитву господу во благо и исправление его единственной дочери.

Это подействовало, и через неделю в замок пришло официальное уведомление о том, что к Клио сватается сэр Меррик де Бокур. Бумага была послана поручителем: сам рыцарь находился тогда в святой земле и сражался там против неверных во славу святой церкви и короля, способствуя тем самым пополнению королевской казны.

Узнав об этом, Клио попросила своего отца рассказать ей о сэре Меррике. Отец сказал только, что сэр Меррик – великий воин, и это был не совсем тот ответ, на который она рассчитывала. Ей хотелось знать, хорош ли собой сэр Меррик, добрый он человек или злой и умеет ли исполнять романсеро, подыгрывая себе при этом на лютне. И, наконец – готов ли он преподнести ей свое сердце на серебряном блюде.

Выслушав Клио, отец расхохотался и объявил, что сэр Меррик будет ее защищать – и это главное, а кроме того, поставил дочь в известность, что вопрос о сватовстве сэра

Меррика не подлежит обсуждению. Выбора у нее не было, поскольку поручителем сэра Меррика был сам король Генрих – их лорд и господин.

Де Бокуру, однако, предстояло воевать в Палестине еще четыре года. Отец же Клио холодной зимней порой простудился и через несколько дней умер.

Леди Клио, таким образом, оказалась под опекой короля Генриха III. Королева Элеонора тем не менее по-прежнему не желала видеть ее при дворе – одного раза было вполне достаточно. Она даже предложила отдать леди Клио в заложницы какому-нибудь врагу королевства, к примеру, настроенному враждебно к Англии владетелю Уэльса.

Генрих отказался, к войне с Уэльсом из-за леди Клио он, признаться, готов не был.

По этой причине леди Клио отослали в отдаленный монастырь – в ожидании, когда из крестового похода вернется ее жених де Бокур. Там, в монастыре, жизнь девушки протекала примерно так же, как в замке ее отца: ей в голову по-прежнему приходили «великолепные мысли» одна за другой.

2

Англия, 1275 год

Меррик де Бокур взирал на родные леса и холмы новыми глазами. Прежде, в юности, он многого не замечал. Того, к примеру, какие вокруг яркие и сочные краски, и какая повсюду кипит жизнь. Деревья в Арундельском лесу росли могучие, и у них была такая густая крона, что она закрывала от него солнце. От земли поднимался голубоватый туман, походивший на дымок от затоптанного костра военного лагеря. Меррик чувствовал, что его одежда насквозь пропиталась сыростью, и радовался тому, что это влажные туманы Альбиона, а не его собственный пот.

Здесь, в этом благословенном земном раю, не было бескрайних песчаных пустынь, сухого, обжигавшего глотку ветра и ураганов-суховеев. Над его головой больше не висело желтым шаром жестокое солнце, способное испепелить все живое. В воздухе пахло свежестью и сырым мхом, дул прохладный ветерок – отрада обожженных легких, – от которого он давно отвык.

Где-то поодаль за спиной Меррика неожиданно звякнул металл и послышался приглушенный влажной землей топот копыт. Меррик бросил взгляд через плечо, потом повернулся всем телом, вслушиваясь в эти звуки, но за деревьями никого не было видно. Поскольку ему не хотелось ни с кем

встречаться, он дал коню шпоры и помчался во весь опор, низко пригибаясь к гриве лошади. Его черные волосы развевались, а тяжелый, напитанный влагой плащ бился сзади на ветру, словно крылья огромной птицы. Ноздри Меррика раздувались – он с жадностью вдыхал в себя запах этой земли. Более всего в Палестине ему недоставало прохладного влажного воздуха родины.

Меррик любил и умел ездить верхом и испытывал наслаждение, пуская лошадь в карьер. Ему нравилось, когда во время бешеной скачки ветер свистел у него в ушах, а под седлом размеренно сокращались мышцы могучего животного, чьи копыта отбивали ритм, сходный с ритмом его собственного сердца.

При всем том, однако, он не забывал об осторожности и с досадой различал конский топот у себя за спиной. Это была погоня, не иначе.

Прислушавшись, Меррик определил, что его преследует только один всадник. Едва заметным движением поводьев и шпор он повернул своего коня в сторону и еще добавил ему прыти. Конь перескочил через низенькую каменную стену и стал, одерживая влево, спускаться галопом вниз по склону холма и дальше – в поросшую травой долину. Они промчались как молния по деревянному мосту через ручей, а потом взлетели вверх по другой стороне холма с такой легкостью, что можно было подумать, будто их подгонял дувший в спину ветер-суховей.

Меррик скакал в направлении небольшой рощи. Теперь, оборачиваясь, он видел вдалеке преследователя, который не отставал ни на шаг, хотя расстояние между ними и не уменьшалось. Однако разглядеть его как следует было невозможно.

Добравшись до рощи, Меррик в мгновение ока соскочил с коня, вытащил из ножен меч и, сжав его рукоятку двумя руками, чуть согнул ноги в коленях. Он был готов к бою, но топота копыт больше не слышал. Можно было подумать, что преследователь вдруг решил внести изменения в свои планы и оставить де Бокура в покое.

Меррик, однако, продолжал оставаться настороже, вслушиваясь в окружающие звуки и втягивая в себя воздух, будто охотничья собака, которую отправили на розыски дичи. В роще было тихо – только едва слышно капала с листьев вода да шуршал в ветвях ветерок, который приносил с собой запах прели и влажной травы.

Внезапно Меррик ощутил аромат женских благовоний – душистого масла, а за его спиной раздался подозрительный хруст, и он уловил хриплое дыхание человека, возбужденного скачкой. Рыцарь выпрямился и резко повернулся в ту сторону, откуда доносился шум.

– Ну-ка, Роджер, покажись! Я тебя сразу учуял – от тебя все еще разит сладкими ароматическими маслами Элизабет де Клер.

Меррик воткнул меч в землю и вальяжно оперся ладо-

нью о его рукоять. Выставив вперед ногу в кожаном сапоге и утвердив левую руку на бедре, он дожидался ответа приятеля, которому удалось так удачно подшутить над ним.

Роджер Фитцалан появился из-за ствола огромного вяза и расплылся в широкой ухмылке.

– А какая она сама сладкая, мой друг! Запах притираний Элизабет ничто по сравнению с ее собственной сладостью.

Меррик вложил меч в ножны и вздохнул.

– До сих пор мне не приходилось встречать женщины, о которой я мог бы сказать то же самое.

– Только потому, мой друг, что ты слишком мало времени уделяешь прекрасному полу.

– Не в этом дело. Просто самые красивые женщины всегда достаются тебе.

– Я готов поделиться. – Роджер щелчком сбил с плаща невидимую пылинку. – В отличие от тебя, мой друг, я всегда любил женщин больше, чем войну.

– Ты полагаешь, что я так уж люблю войну?

– Я преотлично тебя изучил, Меррик, потому что давно тебя знаю. Ты просто обожаешь сражаться на бранном поле. Я же, наоборот, предпочитаю баталии иного рода – в постели у женщины.

Меррик пожал плечами и, отвернувшись от приятеля, пронзительно свистнул. Его арабский конь мигом перестал щипать траву и поспешил на зов хозяина.

Роджер протянул руку и погладил животное по гладкой,

лоснящейся морде.

– Трудно поверить, что в том раскаленном аду, который зовется Землей Обетованной, водятся такие великолепные лошади.

Меррик и сам знал, какое сокровище ему досталось, – с той самой минуты, как только увидел Ареса. Это небольшое, по сравнению с европейскими породами, и очень красивое животное было подарено ему вождем маронитов. Меррик вообще любил своих лошадей, относился к ним, как к разумным существам, и ценил их превыше всего на свете.

Рыцарь взглянул на солнце, нахмурился и вскочил в седло.

– Мы потеряли из-за тебя массу драгоценного времени. Нам уже давно пора ехать.

Роджер направился к своему коню, который был привязан к ветке дерева, и вывел его на поляну.

– А мне казалось, что ты не больно-то и торопишься.

– Ты же знаешь, я должен скрепить брачным обетом давнее сватовство и принять во владение замок в графстве Марч. По-моему, тамошнему населению просто не терпится встретить своего нового господина.

– Мой бог! Неужели великий Красный Лев действительно собирается обзавестись семейством, превратиться со временем в жирного сельского лорда и вместо солдат дрессировать своих слуг? Что-то мне все это не слишком нравится!

– Хватит болтать. Нам нужно поспешить.

– Ясное дело, – многозначительно хмыкнул Роджер. – Невеста заждалась!

Меррик промолчал.

– Заждалась! Заждалась! – как маленький, дразнился его приятель.

– Садись на коня, Роджер!

Но Роджер продолжал веселиться от души: видно было, что собственная шутка чрезвычайно пришлась ему по вкусу. Меррик некоторое время молча сидел в седле, изо всех сил пытаясь сохранить хладнокровие, но, наконец, не выдержал и послал своего коня вперед. Эта мера подействовала – когда Меррик выехал из рощицы, Роджер уже скакал с ним бок о бок. Некоторое время они правили лошадьми в полном молчании. Потом Меррик сказал:

– Что ж, такова участь женщины. Ждать мужчину.

Роджер фыркнул, как конь, а потом расхохотался в голос.

– Интересно будет понаблюдать за вашей первой встречей. Я бы не променял это зрелище даже на свидание со сладчайшей Элизабет!

Меррик любил Роджера как брата, но временами ему хотелось наградить его парочкой увесистых оплеух. Братских, разумеется. И теперь как раз такой момент наставал...

К счастью для Роджера, Меррик услышал, как его солдаты спускаются вниз по склону – топот копыт, звяканье сбруи и снаряжения, скрип седельной кожи и раскаты оглушительного хохота отвлекли его внимание. Чтобы солдаты его уви-

дели, Меррик выехал на открытое место, после чего взмахом руки направил их движение на запад.

Роджер и Меррик ехали рядом, но теперь говорили уже на другие темы – обсуждали лошадей и былые сражения, в которых они оба участвовали. Вот так же они вместе странствовали по свету в течение многих лет, и каждый из них был не раз обязан другому спасением своей жизни. Несмотря на различия в характерах, они были ближайшими друзьями.

Погоняя своего коня рядом с Аресом Меррика, Роджер поглядывал вокруг с таким довольным видом, что у Меррика не было сомнений: его приятель отлично провел время с сиятельной госпожой по имени Элизабет де Клер.

Иногда Меррик завидовал своему другу. Роджер везде чувствовал себя как дома и был готов во всякое время затеять дружеский разговор с любым, даже незнакомым человеком. Меррик же всегда испытывал с этим затруднения. Зато он привык брать на себя бремя ответственности, поскольку был прирожденным вождем и воином. Таким образом, Роджер побеждал врага любезностью и учтивостью, а Меррик – своим добрым мечом и отвагой.

Еще некоторое время они ехали в молчании, после чего Меррик, глубоко вздохнув, произнес:

– Знаешь, мне, признаться, надоели все эти крестовые походы и бесконечные странствия по Востоку. Король Эдуард сказал как-то, что главное – охранять границы здесь, в Англии. Что же касается меня лично, то и мне, наконец, захо-

телось покоя.

Роджер облокотился о высокую луку седла и снова улыбнулся, но теперь это была улыбка умудренного опытом человека. Роджер считал, что знает светскую жизнь как никто – уж по крайней мере куда лучше Меррика.

– Стало быть, ты захотел покоя – оттого и женишься? И по этой же самой причине берешь за женой в приданое замок на границе с Уэльсом?

Меррик пробурчал в ответ нечто невразумительное. Роджер смерил его проницательным взглядом – на этот раз в нем не было и намека на улыбку.

– Попомни мои слова – ни то ни другое не принесет тебе мира.

Меррик пожал плечами.

– Я думаю, леди Клио окажется покладистой. Боюсь, мне придется силой выпроваживать ее из молельной, чтобы уложить в постель рядом с собой – как-никак она провела в монастыре целых шесть лет.

– Точно. На два года дольше, чем ей было обещано...

Еще несколько минут они правили лошадьми в полном молчании. Наконец Роджер не выдержал и снова обратился к приятелю:

– Ты хоть что-нибудь о ней слышал? Как она, по крайней мере, выглядит?

– Мне лично наплевать, как она выглядит, – заявил Меррик.

Глаза Роджера округлились от удивления.

– А если окажется, что у нее лицо похоже на лошадиную морду, или что она здорова, как бык, и может без малейших усилий таскать на себе твои же собственные латы? – Роджер устремил взгляд вперед, изо всех сил стараясь сдержать улыбку. – Слушай, а может, у нее растет борода?

Меррик повернулся к приятелю всем телом.

– В таком случае, я научу ее пользоваться бритвой, – невозмутимо произнес он.

Роджер не выдержал и расхохотался.

– Нет, серьезно, что ты о ней слышал? Знаешь хотя бы – блондинка она или брюнетка?

Меррик не имел ни малейшего представления, как выглядит его невеста. Знал только, что все эти годы она находилась под опекой Генриха – отца нынешнего короля Эдуарда.

– Я никогда об этом не спрашивал. Мне известно лишь, что она родом из замка Камроуз и дочь благородного человека. По-моему, этого вполне достаточно.

Роджер удивленно присвистнул и покачал головой.

– Не скажи. Цвет волос женщины очень важен. У Элизабет, к примеру, черные волосы. Они темны, как безлунная ночь, как полированный оникс, как мрачные глубины океана, как...

– Как мой гнев, который я на тебя обрушу, если ты не прекратишь молоть этот романтический вздор!

Роджер в ответ снова обнажил в улыбке белоснежные зу-

бы. Эта его привычка – вечно над всем насмехаться – временами доводила Меррика до белого каления. Вот и сейчас он испытывал приступ сильнейшего раздражения при виде ухмыляющегося приятеля, но Роджер, казалось, ничего не замечал.

– Ты и представить себе не можешь, какие сюрпризы иногда преподносит семейная жизнь, – сказал он.

– Постараюсь их избежать. От брака мне нужно немного – душевного покоя и упорядоченной, размеренной жизни. Что же касается цвета волос моей будущей жены... – Меррик приподнялся на стременах и, высмотрев на обочине дороги заросли вереска с начинавшими уже наливаться алыми головками, добавил: – Будь они хоть красного цвета – мне все равно.

– Чрезвычайно любопытное заявление. Красные волосы... Интересно, что сказали бы по этому поводу ученые отцы церкви.

– С какой стати ученых отцов церкви должен занимать цвет волос моей жены?

– А разве ты ничего не знаешь о последнем эдикте папы римского? Я слышал о нем кое-что, когда был в Риме.

– Уверен, что ты слышал немного, потому что целыми днями обхаживал местных красоток.

– Ну, нет, я занимался этим исключительно в ночное время.

– Да, конечно. Но уж несколько дней ты наверняка был

очень занят – пытался отделаться от мужей-рогоносцев, которые горели желанием вызвать тебя на поединок, чтобы отомстить за свою поруганную честь.

– Несколько дней? Ты, наверное, смеешься? – Роджер с удивлением воззрился на приятеля. – Ты что – забыл, сколько времени я находился в отъезде?

– Как я мог такое забыть? – усмехнулся Меррик. – Просто время твоего отсутствия пролетело незаметно, и было отмечено ничем не замутненным покоем. По крайней мере, никто не приставал ко мне с вопросами по поводу моей будущей жены.

– Неужели тебе без меня не было скучно?! – театрально возмутился Роджер, и Меррик снова усмехнулся.

– Ладно, хватит об этом. Расскажи лучше, что тебе удалось узнать о новом папском эдикте.

– Церковь предложила новый ученый подход к вопросу, как трактовать цвет волос у женщин!

Меррик пренебрежительно скривил рот. Попытки церкви руководить поступками людей всегда вызывали у него острое чувство недовольства. Ему казалось, что отцам церкви больше пристало молиться за грешную человеческую душу, нежели лезть в частную жизнь человека.

– Что, святым отцам делать больше нечего?

Роджер пожал плечами.

– Похоже, что так.

– Какой же мудрой мыслью по этому поводу одарили нас

господа ученые епископы? Как-никак, нам, бедным заблудшим душам, предстоит теперь эти откровения толковать, чтобы жить, повинуясь папскому эдикту.

– В Италии и на Востоке светлые волосы у женщин в особой цене, – начал Роджер издалека, решив раскрыть перед приятелем суть вопроса. – Дошло до того, что некоторые дамы весь день сидят на солнцепеке с непокрытой головой, чтобы выбелить волосы. Другие – по той же самой причине – носят крохотные шляпки без полей или втирают в голову лимонный сок и даже мочу. Так вот, церковь провозгласила, что подобные действия дурно влияют на мыслительные способности женщины и наполняют ее душу греховными помышлениями.

Меррик уловил в голосе приятеля скрытую издевку – и не ошибся.

– Кто знает, может быть, леди Клио тоже выбеливает волосы, окуная голову в отхожее место, и страдает по этой причине слабоумием, не говоря уже о греховных наклонностях, – добавил Роджер.

Это едкое замечание заставило даже Меррика забыть о своей прославленной сдержанности и расхохотаться.

– Черт, неужели тебе, в самом деле неинтересно, кого тебе предстоит взять в жены? – снова задал ему вопрос Роджер, когда они выехали на открытое место.

– Я беру себе в жены женщину и надеюсь, что она будет вести себя соответственно своему положению, – спокойно

сказал Меррик.

Роджер, однако, его уже не слушал. Он смотрел в пространство прямо перед собой и о чем-то сосредоточенно размышлял.

– Клио... – наконец тихо произнес он вслух.

Можно было подумать, что Роджер пробует имя невесты своего приятеля на вкус.

Меррик окинул взглядом расстилавшиеся впереди просторы. Сказать по правде, то пристальное внимание, которое уделял его невесте Роджер, не слишком пришлось ему по душе.

– Знаешь, Меррик, имя Клио звучит так, что наводит на мысли о женщине со светлыми волосами.

Меррик промолчал, и Роджер внимательно на него посмотрел.

– Тебе что, нечего сказать?

– Просто вопрос, какого цвета у моей невесты волосы, меня совершенно не занимает.

– И напрасно, друг мой. Как знать, возможно, со временем ты перестанешь относиться к этому с таким равнодушием. Вдруг она похожа на царицу Египта и волосы у нее черны, как смертный грех? – Роджер чуть помедлил, а потом со смехом выпалил: – Тогда и борода у нее – тоже черная. По ночам, после любовных утех, вы будете коротать время, брея друг друга.

– Еще одна шутка такого рода – и я продемонстрирую те-

бе, что бритву можно использовать не только для бритья!

– Да брось ты, дружище. Не принимай мою болтовню так близко к сердцу. Неужели ты не понимаешь, что я просто-напросто радуюсь оттого, что снова оказался на родине? Это-то и придает всем моим мыслям излишнюю легкость.

– Ты всегда был легкомысленным человеком.

– Даже если и так, легкость в мыслях – большое подспорье, когда путешествуешь с мрачным парнем вроде тебя. У любого, кто услышит, каким грозным голосом ты отдаешь приказы, сразу же начинают трястись поджилки.

– Некоторые явились в этот мир, чтобы отдавать приказы и повелевать, – надменно заявил Меррик.

Роджер в ответ на эти слова залился громким смехом, но рыцарь никак не отреагировал на веселость приятеля и продолжил свою речь, многозначительно на него поглядывая.

– А некоторые появились на свет только для того, чтобы ржать, как кони, и соблазнять каждую женщину, которая только попадается им на пути.

– Ну уж, не каждую, мой друг! Это слишком. Только такую, у которой все зубы на месте.

– Что ж, нам придется исключить из списка малых детей и бабок.

– Прабабок, – смеясь, сказал Роджер.

Меррик не выдержал и тоже расхохотался. Откровенно говоря, ему нравилось временами позубоскалить с Роджером: его беззлобная веселая болтовня помогала и Меррику

легче смотреть на жизнь.

Кольнув коня шпорами, он послал его вперед – вверх по крутому склону, поросшему папоротником, кустарником и маленькими, еще только набиравшими силу дубками. Оказавшись на вершине холма, Меррик невольно придержал лошадь – перед ним, сколько хватало взгляда, расстилалась долина, сплошь покрытая такой яркой зеленью, что у него заломило глаза.

Рыцарь приподнялся на стременах и так долго всматривался в линию горизонта, где небо смыкалось с землей, что она стала расплываться у него перед глазами. Подобного зрелища он, как ни старался, припомнить не мог. Да и то сказать, с того дня, когда он в последний раз видел родину, прошло уже много лет. Меррик был в то время чертовски молод, хотя, разумеется, и считал себя достаточно взрослым, чтобы отправиться на войну. Лишь прожитые годы научили его определять, когда кончается юность – она заканчивается в тот самый момент, когда у человека пропадает желание сделаться старше, чем он есть на самом деле...

Но тогда – в ту далекую и уже невозвратную пору – он был всего только глупым зеленым юнцом. На дворе стояла поздняя осень, листья с деревьев опали и влажным ковром покрывали землю. Местами виднелись пятна до времени выпавшего снега, и все вокруг заливал струившийся с серого неба неяркий свет тусклого ноябрьского денька.

Меррик как раз вернулся из Франции, где бился, не жалея

себя, на каждом мало-мальски значительном турнире, чтобы только разжиться достаточным количеством лошадей и золота, чтобы заплатить своим людям. Именно там, во Франции, его судьба сделала крутой поворот: Меррик и будущий король Англии Эдуард познакомились и стали Друзьями. Эта дружба длилась до сих пор – вопреки всем изменениям в политике и бесконечным придворным интригам. Она выдержала испытание крестовым походом, хотя и оторвала Меррика на много лет от родного дома.

Отец Эдуарда, король Генрих, не слишком поощрял сближение между своим наследником и Мерриком. Дом де Бокуров – по мнению короля – в давние времена был отмечен пятном бесчестья, и с тех пор Плантагенеты и де Бокуры никогда не испытывали по отношению друг к другу особой приязни. Дело в том, что за сто лет до начала царствования Генриха могущественный сэр де Бокур позволил себе выступить против дома Плантагенетов.

Тем не менее даже весьма прохладное отношение короля к семейству Меррика не смогло разрушить дружбы Эдуарда и младшего де Бокура. Это был благородный союз двух сильных, независимых людей, основанный на взаимном доверии и уважении. Именно этот союз полностью изменил жизнь Меррика. Ему уже не нужно было собственным копьем и мечом добывать средства на содержание своей дружины: несколько лет службы у Эдуарда избавили его от этой необходимости.

Теперь под Мерриком был добрый конь, на боку у него висел меч с дорогой рукоятью, а сам он готовился в ближайшее время вступить в брак. Но главное, Меррик, как Роджер и все люди, радовался, что наконец оказался дома.

В сущности, Меррик де Бокур владел всем, о чем только можно было мечтать. У него имелись лошади, которых он нежно любил, множество дорогого оружия, земли, пожалованные ему Эдуардом, титул и лучшая награда за все годы походов и лишений – замок Камроуз. К тому же у него в голове время от времени мелькала мысль, что здесь, в Англии, есть женщина, которая все эти годы дожидалась его возвращения...

3

Монастырь Пресвятой Девы на Ручьях, Сомерсет, Англия

Клио стояла на четвереньках посреди монастырского садика, где монахини выращивали лечебные травы. Она то приглядывалась к какому-нибудь растению, то начинала ползать среди грядок, обшаривая их, и тогда ее длинные серебристые волосы купались в росе. Иногда она замирала, принюхиваясь к какой-нибудь травке, тщательно осматривала листик или былинку, после чего движение на четвереньках возобновлялось.

Жирный оранжевый кот с одним глазом, бродивший по вымощенному булыжником монастырскому дворику, неожиданно подпрыгнул и уселся прямо на тяжелые деревянные башмаки, стоявшие с краю грядок. Устроившись поудобнее, он зевнул и потянулся всем телом, продемонстрировав острые изогнутые когти, которые, впрочем, через мгновение снова укрылись в мягких подушечках лап. Лизнув для порядка правую лапку, кот подогнул ее под себя, после чего отворотил свое единственное око от мутноватого солнечного диска и сосредоточил внимание на сером, в коричневую крапинку ястребе-тетеревятнике, сидевшем на ручке, сплетенной из ивовых прутьев корзины.

Некоторое время птица и животное не двигались, насто-

роженно поглядывая друг на друга.

– Вот оно! – внезапно раздался пронзительный вопль Клио. – То самое!

Отломив зеленый побег с какого-то растения, она уселась на корточки прямо посреди грядок и вытянула руку, чтобы как следует рассмотреть добычу. Еще не просохшая от выпавшей утром росы земля холодила босые ноги девушки, а крохотные капельки воды, блестевшие на стеблях и листьях растений, основательно напитали влагой грубую домотканую материю, из которой было сшито ее платье.

– А может, и не оно... – произнесла Клио после продолжительного молчания, опуская руку с зажатым в ней стебельком себе на колени.

Девушка основательно призадумалась. Ей неожиданно пришло в голову, что объяснениям сестры Эмис следовало внимать с большим прилежанием. Кто теперь скажет наверняка, то самое это растение или нет? Приглядевшись, можно было заметить, что листочки на побеге не имеют ярко выраженной формы сердечка, а их обратная сторона бледно-зеленая, а вовсе не изумрудная...

Прикусив нижнюю губку, Клио в который уже раз окинула взглядом крохотный садик, испытывая чувство досады и глубокого разочарования. Ни одно из здешних растений не имело листиков нужной формы, а стало быть, не могло рассматриваться как составная часть новейшего рецепта приготовления верескового эля!

Покрутив в руках сорванный ею стебелек, Клио поднялась на ноги, подошла к своей корзинке и на всякий случай сунула его туда. Потом она присела рядом и, по привычке повернув на пальце доставшийся ей от матери перстень, снова погрузилась в размышления.

Наставницей Клио в монастыре Пресвятой Девы была монахиня по имени Эмис. Она была убеждена, что греческий моряк и путешественник Питий, упоминавший в своих записях о напитке из вереска еще в 250 году до пришествия Христа, не врал. А, следовательно – вересковый эль существовал на самом деле. К сожалению, добрая монахиня умерла, так и не закончив работу по воссозданию рецепта заветного эля.

Именно с этим была связана очередная «чудесная мысль», которая совсем недавно поселилась во взбалмошной головке Клио. Она решила, во что бы то ни стало завершить труды монахини. Ведь всякий, открывший тайну пиктов, разбогател бы в считанные дни! К тому же для нее это была прекрасная возможность обрести независимость. Повсеместно в Англии женщины варили эль, продавали его и при этом умудрялись сохранить уважение окружающих. На удивление, самый лучший эль в этих краях готовили именно женщины, более того – монахини. Нечего и говорить, что Клио решила, будто ее независимость, да и будущность вообще, зависят от того, удастся ли ей воплотить в жизнь замыслы сестры Эмис.

Глубоко вздохнув, Клио подумала, что следует проявлять больше усердия, и опять двинулась вдоль грядок с лечебны-

ми растениями, отщипывая от каждого веточку и пряча добычу в свою корзинку из ивовых прутьев. О том, что корзинка наполнилась, ей возвестил ручной ястреб-тетеревятник, издавший предупреждающий клекот. Он как приклеенный сидел на ручке корзинки и вовремя заметил, что ее содержимое начало сыпаться через край. Швырнув в корзину последнюю веточку, Клио повернулась к нему и увидела, что ястреб на лету схватил ее клювом и застыл, словно египетская статуэтка, изображающая бога Ра, созерцая хозяйку круглым, с золотистой каймой глазом.

Клио расхохоталась и покачала головой. – Ну скажи на милость, Грош, что ты станешь делать с этим несчастным стебельком?

Ястреб ответил ей дружелюбным клекотом, забил крыльями, взлетел и спланировал с травинкой в клюве прямо к устроившемуся на деревянных башмаках Клио одноглазому коту. Потом Грош, переваливаясь с ноги на ногу и выпятив круглую грудку, стал расхаживать взад-вперед, а котище довольно равнодушно наблюдал за ним. Признаться, в этот момент ястреб более всего походил не на свирепого хищника, а на домашнюю утку. В сущности, Грош и был домашней уткой, а не ястребом. Прежде всего, он никогда не охотился. Он даже и летать-то по-настоящему не умел. Обыкновенно он только бил крыльями, клекотал и пытался вывести из душевного равновесия Циклопа – одноглазого кота Клио.

Ястреб прибыл в монастырь на плече странствующего

жонглера, который утверждал, что птица эта бесценна и куплена за огромные деньги на ярмарке в Ноттингеме. Однако Клио удалось подслушать, как жонглер пытался сплавить своего питомца жителю близлежащей деревни.

– Что хочешь с ним делай – хоть в пироге запекай! – говорил при этом жонглер. – Ему и цена-то медный грош в базарный день.

По этой причине ястреб, которого, в конце концов, приобрела Клио, стал называться Грош. Внезапно Клио услышала громкий крик.

– Леди Клио, леди Клио! – орал парень с рыжими, как огонь, волосами так отчаянно, будто в этот момент сам Христос подъехал к воротам монастыря.

Перебегая по жердочке монастырский пруд, где водились карпы, он не удержался и плюхнулся в пруд всем телом, подняв целый фонтан брызг. Поднявшись, он снова устремился вперед, разбрасывая своими большими ступнями во все стороны комья грязи. Парень был уже почти у цели, но вдруг споткнулся о веточку, упал лицом вниз, немного проехал на брюхе и в таком виде предстал перед леди Клио. Надо сказать, Клио тоже при этом пострадала и весьма основательно: она с ног до головы была забрызгана ошметками грязи. Некоторое время Клио созерцала лежавшего перед ней юнца, а потом принялась отряхиваться, пытаясь привести в порядок свое платье.

Парень, распростершийся у ее ног в грязи, носил странное

имя Долбодуб. Тот, кого это прозвище почему-то удивляло, сразу же переставал удивляться, стоило ему перемолвиться с парнем хотя бы парой слов.

Долбодуб поднял глаза и взглянул на Клио. Его круглое лицо сияло наподобие полной луны, вывалявшейся в грязи. Прежде чем хоть что-то произнести, он сплюнул, а потом несколько раз подряд чихнул.

– Ты ушибся? – ласково спросила девушка.

Парень с такой силой затряс головой, что с его волос во всё стороны полетела соломенная труха и прочая дрянь. Девушка чуть отступила назад и босой ногой поддела Циклопа.

– Ну-ка слезай с моих башмаков, котище!

Кот, которого согнали с места, некоторое время стоял поблизости, выгибая хвост, а потом с безразлично-равнодушным видом стал прогуливаться около корзины своей хозяйки. К тому времени Долбодуб отер грязь с лица, поднялся во весь рост и теперь стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Стой смирно, не мельтеши! – строго сказала ему Клио. – С чего это ты так разволновался, приятель?

– В монастырь прибыло послание, – торжественно объявил Долбодуб и от волнения снова принялся переступать с ноги на ногу. – Со дня на день в монастыре ожидают гостей.

Клио с равнодушным видом пожала плечами.

– Подумаешь! Если это не сам король, стоило ли так торопиться?

– Госпожа, всадник прискакал на дорогой лошади с золо-

тыми поводьями!

Клио замерла, услышав слова Долбодуба. Она знала, что только король или благороднейшие из его дворян имели право посылать вестника на коне с позолоченной сбруей.

– Неужели сюда и в самом деле пожалует король?!

Долбодуб нахмурил брови.

– Мой бог! А мне-то никто ни словечка не сказал о том, что приезжает король...

– Ты что же, Долби, не знаешь, что на коне с золотыми поводьями обыкновенно приезжает королевский посланец?

– Вот ведь незадача какая, – Долбодуб почесал в затылке и сморщился, словно от горькой микстуры. – Оказывается, этот всадник был к тому же посланником короля! Никогда бы не подумал!

Клио глубоко вздохнула, соображая, сколько времени ей понадобится, чтобы выяснить, наконец, кто именно приехал в монастырь. В этот момент рядом с ними появился Долговяз – брат Долбодуба. Обыкновенно, когда поблизости объявлялся Долбодуб, то и Долговяза ждать было недолго. Последний, правда, шествовал по земле медленно и важно – подобно архиепископу или святому. Между братьями имелось коренное различие: если Долбодуб вечно куда-то торопился, то Долговяз постоянно опаздывал.

– Неужто прибыл королевский гонец? – Долговяз покрутил головой во все стороны. – Где же он?

Долбодуб пожал плечами:

– Откуда я знаю? Леди Клио сказала, что к нам едет сам король.

– Стало быть, королевского вестника я тоже прозевал. Вот болван! – Долговяз скривился от презрения к собственной особе. – Это ж надо – упустить двух гонцов за день!

Клио переводила взгляд с одного парня на другого.

– Что-то я уже ничего не понимаю.

– Точно. Ничего не разобрать, – заметил Долбодуб с величайшей серьезностью. – О том, что сюда едет сам король, мы и знать-то не знали.

Клио сначала сосчитала про себя до десяти, потом – до двадцати и, лишь дойдя до пятидесяти, немного успокоилась.

– Расскажите мне о посланце поподробнее. Кто, черт возьми, должен приехать?

– Известное дело, кто – король. Вы же сами мне сказали. – Парень оглядел себя, заметил на животе грязь и принялся, не сходя с места, оттирать куртку.

– Послушай, Долби...

Парень вскинул голову, посмотрел на девушку, пару раз сморгнул и глубокомысленно произнес:

– По-моему, вы в недоумении, миледи.

– Так оно и есть. Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Точно. Где уж тут разобраться? Слишком много гонцов, – сочувственно сказал Долбодуб.

Клио сначала глубоко вдохнула, потом выдохнула, после

чего, положив парнишке руку на костлявое плечо, очень доброжелательно и спокойно проговорила:

– Подумай как следует и скажи – зачем ты ко мне бежал? Что тебе велено было мне передать?

– То, что прибыл гонец.

– Ну, и каков он из себя?

– У него на лошади была позолоченная сбруя.

– Ты уже об этом говорил. Что еще?

– На гонце была куртка с гербом Красного Льва.

– Красного Льва?! – у Клио перехватило дыхание.

– Ага. Красного Льва Меррика де Бокура.

Герб ее суженого Меррика де Бокура! Прошло уже столько лет со дня сватовства, что Клио почти перестала верить в его существование. По правде сказать, она была убеждена, что Меррик забыл о ней и думать. В брачном договоре говорилось, что он пробудет в Святой земле четыре года. Но четыре года неожиданно обратились в шесть, и при этом ее жених почти не подавал о себе вестей. Последнее письмецо от него пришло год назад, причем адресовано оно было не ей, а аббатисе, что уж и вовсе невозможно было стерпеть. Нечего сказать – хорош женишок!

Клио снова глубоко вздохнула и спросила:

– Так что же было в послании?

– Там говорилось, что Меррик де Бокур и его люди прибудут сюда через несколько дней.

Клио промолчала. Она просто-напросто не могла гово-

рить: в голове у нее все перемешалось, одна эмоция захлестывала другую. Гнев, негодование и бесконечное волнение заставляли ее попеременно то бледнеть, то краснеть.

Долбодуб и Долговяз обменялись недоуменными взглядами, после чего во все глаза уставились на девушку.

– А мы думали, вы обрадуетесь. Вам что же, леди, и сказать нечего по такому поводу?

– Нечего!

Клио отвернулась от парней и принялась созерцать стену монастыря, прикрывавшую обитель с восточной стороны. По мере того как она вспоминала все, о чем передумала за эти бесконечные шесть лет ожидания, молчание ее затягивалось и становилось все более и более гнетущим. Клио сосредоточенно рассматривала поросшую мхом восточную стену, и холодный прищур ее глаз не предвещал жениху ничего хорошего.

– Нет, пару слов я все-таки скажу, – произнесла она, наконец. – Давно пора!

Небольшой монастырь с выбеленными мелом стенами затерялся в поросшей лесами глуши Британии. Он был основан за сотню лет до происходивших событий и был посвящен Пресвятой Деве. Над его воротами было выбито по латыни *Benedictuslocus*– Святое место.

В этот день Святое место более всего нуждалось в соответствующем к нему отношении.

– Видите ли, ваше преподобие, – внушительно говорил

Меррик де Бокур, опершись руками о массивный дубовый стол настоятельницы и нависая над ней всем телом, – я уверен, что произошла какая-то ошибка. Леди Клио никак не могла исчезнуть.

Однако аббатиса стояла на своем.

– Леди Клио уехала на следующий день после того, как мы получили ваше послание.

Меррик некоторое время ходил взад-вперед перед столом настоятельницы, уставившись в пол. «Она уехала, она уехала...» – несколько раз повторил он, после чего снова уперся в аббатису ледяным взглядом.

– Черт возьми, ваше преподобие, да вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Она всего только женщина! А женщина, как известно, не имеет права уезжать или приезжать, как ей заблагорассудится.

– Вы, милорд, не имели чести знать леди Клио.

– Именно, что не имел! Зато я знаю, что она должна была находиться здесь, под королевской опекой, пока не приеду я.

– Да, это так. Однако наш король, как известно, долгое время пребывал во Франции, а у нас тут такая глушь, милорд, мы так далеко от Лондона...

– Божьи зубы! – Кулак милорда с хрустом врезался в деревянную поверхность стола.

– Не смейте богохульствовать здесь, сэр Меррик!

Рыцарь выпрямился во весь свой могучий рост и скалой навис над аббатисой.

– Надеюсь, леди Клио добропорядочная женщина?

Краем глаза он заметил, что Роджер, который скромно стоял в дверях, при этих его словах хмыкнул.

Аббатиса тем временем поднялась со своего кресла, раскинула в стороны обе руки, уподобившись таким образом распятию, которое висело на стене у нее над головой, и с величественным видом обозрела стоявшего перед ней рыцаря. Взгляд ее был суров и непреклонен.

– «Добропорядочная женщина»?! Смею вас уверить, милорд, что она не менее добропорядочна, чем я, грешная! – Голос аббатисы набирал мощь с каждым словом. – Да она так же добропорядочна, как сама наша государыня королева! Или, – тут она еще поддала жару, – как ваша мать, милорд, сама ваша мать!

Услышав такое, Меррик смутился и, чтобы скрыть это, пригладил ладонью свои черные волосы. Желая набраться необходимого смирения, которое требовалось в стенах монастыря, он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, после чего подступил к аббатисе снова:

– Ваше преподобие, давайте вернемся к предмету нашего разговора. Простите мою несдержанность, но меня ведь тоже можно понять. Я был уверен, что леди Клио пребывает под вашей защитой, а теперь вдруг оказывается, что она уехала и находится бог знает где!

– Разве я вам сказала, что не знаю, где она находится? Помнится, я упоминала только, что она уехала.

«Ну и характер у этой тетки! Прямо как у королевы», – подумал Меррик, смерив взглядом невысокую женщину. Этого взгляда избегали самые храбрые рыцари, перед его волей склонялись враги, но эта дама смотрела на него, как будто он был полнейшим ничтожеством.

Очень медленно, раздельно и тихо он спросил:

– Так где же она теперь находится?

– А вы не будете ее колотить, милорд?

– В жизни не поднял руку на женщину! – возмутился Меррик, но потом, обдумав свои слова, добавил: – Бывают, однако, такие обстоятельства, когда я был бы рад нарушить это свое правило.

Роджер едва сдержался, чтобы не расхохотаться во весь голос, и хлопнул себя ладонью по лбу.

Аббатиса бросила на Меррика гневный взгляд.

– Со всем присущим мне смирением должна вам напомнить, милорд, что я, прежде всего невеста божья. Кроме того, мне, как аббатисе, подвластны и сам монастырь, и его угодья, а это означает, что я обладаю у людей в здешних краях кое-каким авторитетом.

– Я же вам сказал, что не имею такого обыкновения – бить женщин. Так что и леди Клио, и вы можете быть спокойны. – Меррик снова уперся руками о стол. – Надеюсь, теперь вы скажете мне, где эта девица?

– Значит, вы не станете ее колотить? – на всякий случай еще раз спросила аббатиса. – Думаю, однако, что, если и ста-

нете, вам это большой пользы не принесет, – добавила она, немного поразмыслив.

Меррик и Роджер обменялись удивленными взглядами.

– Так вот, могу сообщить вам, что леди Клио уехала в свой замок – Камроуз.

– Наконец-то хоть что-то определенное, – пробурчал Меррик и повернулся на каблуках, чтобы уйти.

– Подождите, – сказала аббатиса, вставая. – Смею вас уверить, что я старалась уберечь ее от этого шага.

– Судя по всему, плохо старались!

Аббатиса улыбнулась и даже позволила себе короткий смешок.

– Леди Клио привыкла поступать, как ей вздумается, милорд.

– Боюсь, что ей придется забыть о своих привычках, – бросил Меррик и, распахнув низенькую дверь, вышел.

4

Замок Камроуз, графство Марч на границе с Уэльсом

Старуха Глэдис клялась самыми страшными клятвами всякому, кто соглашался ее слушать, что она происходит по прямой линии от друидов, хотя этот древний народ прекратил свое существование во времена, о которых не помнили и старожилы. При этом старая ведьма обыкновенно добавляла, что умеет предсказывать события, или – как она говорила – обладает способностью «видеть».

Когда два ворона свили гнездо на раскидистом вязе во дворе дома бондаря, старуха Глэдис предсказала его бездетной вдове, что та родит близнецов. Все потешались над ней, пока бездетная вдова не поехала на ярмарку в Майклмас да не вышла там замуж за кузнеца из Брикона. И трех урожаев не собрали, а у жены кузнеца уже было четыре здоровеньких сына-крепыша, рожденных по двое за раз. После этого и дня не проходило, чтобы деревенские женщины не стучались к Глэдис и не просили у нее совета по тому или иному поводу. Большей частью они интересовались, от кого рожать и когда рожать.

Впрочем, местные жители, непостоянные, как все селяне, со временем про пророческий дар старухи Глэдис стали забывать. Зато они хорошо помнили, кто самая некрасивая девица в долине. Ее прозвали Герди-гусыня – и не только по-

тому, что она пасла гусей. Девчонке здорово не повезло: она жутко походила на своих питомцев. Так вот, с некоторых пор каждое полнолуние Герди ходила к старухе Глэдис. Старая карга заставляла ее подниматься до восхода солнца и омывать лицо росой, собранной с пучков розовой валерианы, что растет среди скал у реки Вэй.

Не успела новая луна три раза сменить старую, как самый красивый трубадур из тех, что когда-либо проезжал через деревню Клод, влюбился в Герди с первого взгляда. Больше того, он поклялся положить свою жизнь и лиру на то, чтобы воспеть ее редкую красоту. Последний раз селяне видели их на утро после свадьбы, когда счастливый трубадур и сиявшая, как медный котелок, Герди покидали деревню. Они захватили с собой всех ее гусей, и, пока повозка трубадура не скрылась за поворотом, до селян долетал веселый гогот многочисленного гусиного семейства.

После этого не было человека, кто бы не верил в пророчества старухи Глэдис. Если она указывала на шесть черных лебедей и говорила, что это знамение, каждый старался узнать, к добру оно или нет. Если внезапно менялся ветер, женщины входили в дом, пятясь задом. А когда молодая луна приобретала багровый оттенок, они клали под подушку воробьиное перышко, чтобы отогнать дурные сны, которые в противном случае могли стать явью.

Брат Дисмас, капеллан замка Камроуз, считал старуху Глэдис чистой воды еретичкой. Кроме того, он не сомневался,

что эта старая кляча давно уже повредилась в уме. Если кто-либо в его присутствии нетактично упоминал о предсказаниях безумной старухи, брат Дисмас осенял себя крестным знамением, поминал святых угодников и бормотал молитву. Сказать по правде, он терпел старуху лишь по причине собственного природного добродушия... а также потому, что так ему повелел господь бог.

По слухам, господь говорил с братом Дисмасом чуть ли не каждый божий день, а порой и в темное время суток. Когда однажды в полуночный час кто-то ударил в колокол у ворот замка и старуха Глэдис, вскочив со своего убогого ложа, завопила, что четыре удара несут беду, никто не вышел к воротам. Один только брат Дисмас. Ему велел так поступить проникновенный глас божий.

Колокол у ворот гремел и гремел, как будто кто-то лупил по металлу боевой палицей. Брат Дисмас одолжил толстую свечу у одной из вверенных ему святынь и запалил ее от светильника на стене часовни. Потом он, позевывая, пересек внутренний двор и добрался до двери сторожки, задаваясь вопросом, почему этой ночью господу богу не было угодно оставить его в покое?

Переступив через несколько спящих собак, он огляделся в поисках стражника. Из сторожки доносился громкий храп. Не покидая боевого поста, солдат свернулся калачиком на каменной скамье в темном углу и спал мертвым сном, продолжая и во сне сжимать в кулаке опустевшую пивную круж-

ку.

Снова ударил колокол, вынуждая брата Дисмаса опять мысленно помянуть святых угодников. Он поднес свечу к смотровому окошку, толкнул его створку, и та отворилась с резким скрипом. Выглянув наружу, он поначалу ничего не увидел, сморгнул, затем поднял свечу повыше и выглянул еще раз.

Секундой позже он перекрестился и обратился к небесам:

– Милосердный боже, хорошо, что ты не забыл сообщить мне что-то действительно важное!

У ворот, дрожа от ночного холода, стояла леди Клио.

Через неделю, глубокой ночью, леди Клио металась по своим покоям в замке Камроуз не в силах заснуть. На минуту она задержалась перед здоровенным столбом, на котором было вырезано изображение Вильгельма Завоевателя, имевшее, впрочем, весьма отдаленное сходство с оригиналом. Валлиец, незаконно проживавший в замке до недавнего времени, использовал этот дубовый столб для метания в него ножей. В день приезда девушка вытащила из столба четыре страшных валлийских кинжала с двумя лезвиями. Лицо деревянного Вильгельма Завоевателя было с тех пор изувечено грубыми шрамами.

Отведя взгляд от скульптурного памятника, Клио глубоко задумалась – загадочные пророчества старухи Глэдис все еще звучали у нее в ушах.

– Пусть ярче горят свечи этой ночью! – заклинала стару-

ха Глэдис. – На рассвете три ястреба закружат над башней, утренний ветер налетит с полей, повар в дрожжах найдет червей.

Клио попыталась выведать у старухи, как следует толковать это видение, но Глэдис ответила только, что ее удел видеть, а дело Клио – понимать. Даже лесть не сработала. Старуха Глэдис удалилась на соседний холм, разложила костер и стала прыгать вокруг него, громко распевая заклинания, которые заставили брата Дисмаса в ужасе кинуться в часовню. Оставшуюся часть вечера он провел на коленях, вознося молитвы господу.

За ужином Клио не могла смотреть на хлеб: перед ее мысленным взором тут же возникали червивые дрожжи. Она съела только маленький кусочек сыра и немного гороховой похлебки. Теперь у нее ныло в животе, и даже теплое парное молоко с медом не помогло ей заснуть.

Не находя покоя, Клио снова принялась расхаживать по комнате. От ее быстрых шагов пламя свечи колебалось, отбрасывая на каменные стены причудливые неясные тени.

Они то крутились, то извивались и вдруг приняли зыбкие очертания чего-то большого и округлого, напомнив ей расплывшуюся фигуру брата Дисмаса в те мгновения, когда он смеялся, и его пухлое брюхо дрожало, как желе из угря.

Клио подняла руки и сомкнула их над головой. Теперь тень вспорхнула по стене, будто ястреб-перепелятник, легко и свободно. Она вспомнила, как в монастыре из окна

своей крошечной унылой кельи наблюдала за птицами, и ей хотелось обернуться ястребом или соколом, чтобы улететь прочь...

Клио родилась дворянкой, но при этом не была свободной. Всю жизнь ей предстояло подчиняться воле мужчин. В который уж раз пыталась она представить, какой оказалась бы ее доля, родись она мужчиной.

Клио подошла к узкому окошку и отворила закрытую на тяжелый засов ставню. Ночной ветерок принес свежесть леса и прошедшего дождя.

– Интересно, на что это похоже – быть свободной, как мужчина? – вслух произнесла она. – Что чувствует человек, когда идет в крестовый поход, ночует под звездами на другом краю света, видит новые земли и людей, совсем не похожих на тех, что оставил дома?

Еще она спрашивала себя, что это значит – быть рыцарем, и вообще – что ее суженый поделывал все эти годы. И, конечно же, пыталась представить себе, как он выглядит. Может быть, его подбородок похож на боевой топор, руки толсты, как куски ветчины, и весь он покрыт шрамами? А может быть, его прозвали Красным Львом из-за ярко-рыжих волос, как у кузнеца в замке? Впрочем, она очень надеялась, что это не так. У кузнеца волосы торчали из носа, из ушей, а на голове и вовсе стояли петушиным гребнем.

Так много вопросов роилось в ее головке, что она никак не могла заснуть, хотя очень устала. Каждую ночь с тех пор,

как она приехала в замок, который когда-то был ее родным домом, она без конца предавалась размышлениям, а потому спала очень мало.

Но Камроуз уже не был таким, как прежде. Вскоре после смерти отца замок захватили валлийцы, и в мыслях она простилась с ним навсегда ... до той поры, пока не прочитала послание своего суженого, переданное аббатисе более года назад.

Камроуз был востребован королем Эдуардом, и теперь, в соответствии с королевским указом, и замок, и окружавшие его земли – да и сама Клио – принадлежали ее будущему мужу.

Она вернулась в Камроуз, но на ее родной дом он уже походил мало. Замок встретил ее холодом и мраком. Валлийцы надстроили стены, используя какой-то массивный тяжелый камень, и, казалось, Камроуз был теперь не жильем, а укрепленным казематом для содержания преступников.

Раньше в оконные переплеты были вставлены полотна тонко выделанной кожи, украшенной вышивками с изображениями ястребов в венках из плюща и роз. По семейным преданиям, бабушка Клио сама вышивала эти полотна, объединив геральдические символы ее дедушки с символами своей семьи. Клио нравились легкие переплеты с туго натянутой кожей: они всегда пропускали в залы замка солнечный свет. Теперь же в оконных проемах висели прочные деревянные ставни, даже по утрам комнаты и коридоры тонули

во мраке, а стены и потолки покоев были покрыты толстым слоем копоти и цвели плесенью.

Вдоль стен теперь стояла массивная грубая мебель – дело заскорузлых рук сельского столяра. В замке почти ничего не осталось из того, что принадлежало ее семье: никаких гобеленов, никаких пушистых ковров, никаких тонких льняных простыней или подушек, набитых гусиным пухом. Ложе из прочного дерева с сеткой из толстых веревок и набитым колючим сеном мешком – вот что находилось теперь в ее комнате. Поверх было накинуто черное шерстяное одеяло, которое вызывало на коже зуд даже после того, как из него вывели блох.

Когда Клио приехала, Камроуз встретил ее мерзостью запустения. Воробьи и голуби вили гнезда на подоконниках, свободно летали по всему замку, а полы были покрыты слоем помета и грязи. Ей и нескольким служанкам понадобился не один день, чтобы все это вычистить.

В жизни женщины, в сущности, было не так уж много того, чем она могла бы гордиться. Своими детьми, если повезет – мужем и, конечно, домом. Ради всех женщин, живших здесь до нее, Клио мечтала вернуть замку прежний вид, сделать его уютным. Не все получалось, как ей хотелось, но она тем не менее оставила за собой свои прежние покои и погрузилась с головой в простые ежедневные хлопоты, ожидая приезда суженого. Клио пыталась отогнать страх, охватывающий ее всякий раз при мысли о том, что она должна встре-

титься лицом к лицу с человеком, которого называли Красный Лев. Это прозвище мало соответствовало образу вежливого, доброго и мягкого сердцем человека...

Однако как она ни старалась отделаться от этих страхов, они вечно присутствовали в ее мыслях, обретая вполне зримые и реальные образы. Иногда эти образы являлись ей по ночам, так что она не раз просыпалась в холодном поту. Но как, скажите, можно было обо всем этом не думать, когда вся ее жизнь находилась в руках совершенно незнакомого ей человека?!

После долгих раздумий Клио решила, что, как бы то ни было, следует встретить его с достоинством, памятуя о своем положении знатной дамы. Другими словами, она решила вести себя так, как это было заведено среди придворных дам при дворе королевы. Что бы там ни думал этот человек, она продемонстрирует ему все свои лучшие женские качества, которыми он так грубо пренебрегал, заставляя дожидаться его в течение шести лет!

Приложив палец к полураскрытым губам, занавесив глаза длинными ресницами, Клио пыталась оживить в памяти образы изящных заносчивых красавиц, виденных ею при дворе королевы. Сосредоточившись и настроившись соответствующим образом, она гордо вскинула подбородок и придала себе самоуверенный и немного высокомерный вид. Затем она плавно заскользила по полу, стараясь двигаться изящно и грациозно, как плывущий по озерной глади лебедь. Оста-

новившись, она двумя пальчиками приподняла украшенное вышивками платье, наклонила головку и мило улыбнулась:

– Добро пожаловать, сэр рыцарь.

Клио склонилась в реверансе, выпрямилась и в задумчивости подперла пальцем щеку.

– Нет, не так это делается, – пробормотала она, сдвинув брови. Затем вернулась в исходную позицию, распрямила плечи и вытянула руку, такую по-женски хрупкую и изящную, повторяя сцену встречи.

– Сэр Меррик, для меня большая честь приветствовать столь славного рыцаря.

Она снова опустилась в реверансе, затем грациозно вскинула голову.

– Вы должны поведать нам, сэр, чем вы были заняты все эти шесть лет. Отрубанием голов? – Она провела рукой по шее, как бы отсекая себе голову, и, высунув язык, одарила невидимого собеседника шаловливой гримасой. – Или, может быть, вы варили сарацин в кипящем масле?

Клио приподняла стоявший у окна кувшин и пролила немного воды на подоконник, словно поливая кипящим маслом спину несчастного последователя Ислама. После этого она залилась злорадным смехом, сцепила руки высоко над головой, словно зажав в них воображаемое оружие, и принялась размахивать им, придав лицу зверское выражение.

– А может, вы просто рубили неверных в капусту тяжелым боевым топором?

Вернувшись в позу, полную изящества, она обратилась лицом к подпиравшему своды столбу и приятно улыбнулась.

– Ах, вот как? Вы утверждаете, что колотили их по головам булавой? С шипами? Как увлекательно! Я, конечно же, ничего подобного никогда не видела.

Внезапно Клио напустила налицо выражение, какое бывает в ярмарочный день у сельского идиота.

– Какой вы красивый, сэр рыцарь! Наконец-то я сподобилась увидеть ваши замечательные могучие мускулы. Это поистине поразительное зрелище! Хотелось бы мне их коснуться... Только вам придется опуститься на колени, иначе я не смогу дотянуться до ваших плеч – и тупой башки, которая, как я понимаю, тоже своего рода мускул... О, простите, я не хотела обидеть вас, сэр! Будьте снисходительны к слабой женщине, годной только на то, чтобы выйти замуж, а потом, пригорюнившись у окошка, дожидаться возвращения своего мужа из бесконечных походов.

Клио тяжело, с надрывом вздохнула и прижала руки к груди.

– Ждать мужчину – это такое тяжкое испытание! Ответьте, сэр рыцарь, когда же вы, наконец, соизволите прибыть сюда и взять меня в жены? Надеюсь, это произойдет раньше, чем я выйду из детородного возраста? – Она умоляюще воззрилась на подпиравший потолок столб. Затем кивнула, подняла указательный палец высоко вверх, как будто обращаясь к многолюдному собранию.

– О, прошу вас, поторопитесь! У мужчины ведь должен быть наследник, не так ли? И вас, разумеется, устроит только мальчик... А что, интересно, вы сделаете с нашими дочерьми? Без колебаний будете выбрасывать бесполезные создания в ров, пока не родится сын, из которого вы воспитаете такого же бесчувственного и невоспитанного чурбана, как вы сами?

Клио поднесла руку к щеке с притворным беспокойством.

– О, любезный супруг, я совсем забыла! Как это глупо с моей стороны. Конечно же, вы не оставите нашего сына дома, а отошлете его к какому-нибудь другому грубому чурбану, чтобы мальчик никогда не узнал материнской ласки. Потому что мать, несомненно, превратит его в сопливого труса, и из него уж никак не получится настоящего мужчины. Ведь мы, женщины, хороши лишь для того, чтобы рожать детей и ублажать в постели мужа!

Клио закружилась на цыпочках, придерживая свое платье, как будто это был придворный наряд из бархата, затем присела в глубоком реверансе – и в ту же минуту услышала аплодисменты. Громкие аплодисменты.

Клио вскочила и повернулась так резко, что в одном из светильников замерцало и погасло пламя.

Два высоких рыцаря стояли у входа в ее покои. Один из них подпирал плечом дверной косяк и хохотал. Другой же выглядел так, будто отродясь не смеялся.

Клио застыла на месте, словно ноги ее внезапно нали-

лись свинцом. Она переводила взгляд с одного незнакомца на другого и наконец остановила его на симпатичном весельчаке с рыжими волосами, который, продолжая громко хохотать, приблизился к ней.

Весельчак взял ее за руку и весьма изысканно над ней склонился.

– Сэр Роджер Фитцалан Уэльсский, миледи. – Он выпрямился и неожиданно озорно ей подмигнул. – Позвольте представить вам моего спутника: граф Глэморган.

Позднее Клио не любила вспоминать эти минуты и всякий раз приходила в смущение, когда ей напоминали о них. Она продолжала пристально вглядываться в веселого рыжеволосого рыцаря, а тот, не переставая улыбаться, обратился к своему спутнику:

– Судя по всему, твоя бритва ей не понадобится, мой друг.

Клио была обескуражена. Она перевела взгляд на другого рыцаря и поняла, что ему не до смеха. Его суровое обветренное лицо было мрачно, льдистые синие глаза внушали страх. Клио не знала, кто эти люди и зачем сюда пришли.

– Вы – граф Глэморган? – спросила она, и голос ее предательски дрогнул. Ей показалось, что дрожь выдала ее испуг, поэтому она тут же вскинула подбородок и постаралась придать себе по-королевски величественный вид.

– Совершенно верно, – ответил черноволосый рыцарь. – Я получил графский титул в прошлом году.

Теперь, когда он, наконец, заговорил, в его низком голосе

отозвался тот, же ледяной холод, что и во взгляде. Он медленно подошел к ней, с каждым шагом снова становясь все выше и все больше над ней нависая. Клио не могла пошевелиться, завороженная ростом и мощью этого человека, хотя инстинкт настойчиво нашептывал ей, что пора уносить ноги.

Рыцарь остановился за полшага от нее – и перед глазами у Клио все поплыло. Внезапно ей сделалось душно, как будто в ее покоях откачали весь воздух.

В ту же минуту за дверьми послышалось какое-то шуршание. Граф обернулся на звук с такой быстротой, что у Клио закружилась голова. Одна его рука легла на рукоять меча, а в другой сверкнул клинок кинжала.

Однако это был всего лишь Долбодуб. Облаченный в длиннополую ночную рубаху, он во всем своем неуклюжем великолепии вкатился в покои Клио. Его тощие ноги с огромными босыми ступнями походили на цыплячьи лапы. Ввалившись в дверь, он сразу же зацепился за что-то, споткнулся, но, на удивление, не упал и, выпятив узкую костлявую грудь, выпалил:

– Я сумею вас защитить, моя госпожа!

Долбодуб принялся размахивать факелом, как будто это был меч, но сэр Роджер остановил его, подняв руку:

– Нет нужды подпаливать нас, парень. Здесь никому не грозит опасность.

Долбодуб недоверчиво уставился на рыцарей:

– Почему я должен вам верить?

– Граф Глэморган никогда не лжет, – во второй раз прозвучал голос не умевшего улыбаться рыцаря.

– Граф?!

За свою короткую жизнь Долбодуб только однажды видел рыцаря и с тех пор постоянно вспоминал об этом случае. Он уставился на графа с таким выражением, с каким паломник смотрит на святую реликвию.

– Вы получали этот титул за заслуги, милорд?

Роджер тяжелой рукой потрепал Долбодуба по голове, еще больше взъерошив его торчавшие во все стороны волосы.

– Ты прав, парень. Король редко одаривает графским титулом трусов.

Сам граф молча смотрел на Долбодуба. Кинжал он уже спрятал в ножны, однако рука его по-прежнему лежала на рукояти меча. Клио решила, что, если граф ударит мальчишку, она пнет его изо всех сил ногой, а потом спрячется за спину добродушного сэра Роджера. Впрочем, ей не верилось, что суровый рыцарь замыслил дурное. Просто он заехал в замок, потому что ему что-то понадобилось. Граф, надо сказать, походил на человека, который с легкостью берет все, что ему нужно, ни перед чем при этом не останавливаясь.

Клио не сомневалась, что этот высокий темноволосый рыцарь смог бы добыть и десяток графств, сражаясь во славу короля на бранном поле. А когда она к нему хорошенько пригляделась, ей снова захотелось исчезнуть. Стоило только представить себе, каково противостоять этому человеку в

бою, когда он сидит на высоком боевом коне, с ног до головы закованный в доспехи, как сердце сразу же уходило в пятки.

Склонив голову, Клио присела в низком изящном реверансе, после чего обратилась к рыцарю:

– Что привело вас в Камроуз, милорд? Необходимость укрыться за здешними стенами?

Рыцарь молча кивнул.

– Понимаю. – Она выдержала паузу, но он по-прежнему хранил молчание, и ей пришлось высказать собственное предположение: – И, очевидно, потребность в провианте?

Последовал новый кивок.

Клио не знала, чего ей хотелось больше – чтобы он заговорил с нею или поскорее покинул замок, так ни слова и не сказав.

– Я всего лишь несколько дней в Камроузе, милорд, и не могу сказать, достаточно ли в замке припасов. Если позволите, я отдам необходимые распоряжения...

Она хотела выйти из комнаты, но он удержал ее.

– Не торопитесь. – Рыцарь смотрел ей прямо в глаза. – Мы пробудем здесь довольно долго.

Клио выразительно взглянула на его руку, державшую ее за локоть. Поскольку уйти она не могла, ей оставалось только гордо вскинуть голову.

– Что заставляет вас думать, что вы здесь желанный гость, милорд?

Он отпустил ее и скрестил руки на груди. Потом посмот-

рел на сэра Роджера и снова перевел взгляд на Клио.

– Дело в том, миледи, что этот замок принадлежит мне.

– Этот замок принадлежит лордам Камроузским и моему жениху! Я полагаю, милорд, что ни сэр Меррик, ни король не позволят вам отобрать Камроуз.

В его глазах вдруг полыхнуло пламя, но Клио даже не пыталась найти объяснение этой внезапной перемене настроения. Более всего в этот момент она боялась, что он выхватит свой меч и отрубит ей голову. Вместо этого рыцарь спокойно сказал:

– Меррик де Бокур – это я.

Глаза Долбодуба округлились еще больше.

– Красный Лев?! Тот самый?

– Верно. – Он отвернулся от Долбодуба и пригвоздил Клио к месту пронзительным колючим взглядом. – Красный Лев с «тупой башкой».

Клио от стыда не знала, куда себя девать. Если бы каменные плиты пола сейчас разверзлись под ней, она сочла бы это за благо.

Рыцарь сделал шаг по направлению к ней – и она мгновенно отступила на два шага. Он наступал – она отступала все дальше и дальше, а Меррик де Бокур двигался за ней, как хищник, который преследует свою жертву.

Клио сделала еще шаг назад и почувствовала спиной холод каменной стены. В этот момент он внезапно поднял руку.

– Не смейте!

Она услышала, как хохотнул сэр Роджер, и перевела взгляд на него. Глаза рыжеволосого рыцаря смотрели на нее вполне доброжелательно. К тому же он кивнул головой, тем самым давая понять, что Меррик не причинит ей вреда, и Клио немного успокоилась.

Между тем ее жених презрительно усмехнулся: – Я не бью беззащитных женщин.

Его слова вызывали у нее раздражение. Слишком самоуверенно он держался, всем своим видом давая понять, что она слабенькая, глупая, ни на что не годная женщина, которая без его помощи просто пропадет. В глубине души она даже пожалела, что он ее не ударил: сильный удар казался ей не таким унизительным, как снисходительные слова этого человека.

Указательным пальцем он приподнял ее лицо за подбородок и заставил посмотреть на него. Клио решила, что уж если так сложились обстоятельства, нужно по крайней мере попытаться понять, что за человек ее суженый.

Он не был красавцем. Он был воином. Мужчиной, жизнью которого были война, доспехи и оружие. Для того чтобы понять это, довольно было и одного-единственного взгляда. Его волосы были черны, как вороново крыло, а широкий обветренный лоб украшал смелый разлет густых бровей. Нос у него был длинный и чуть крючковатый, а линии подбородка и щек казались высеченными из камня. Шрам от удара мечом, который был гораздо светлее его опаленной безжалост-

ным солнцем Востока кожи, спускался от брови до мочки уха. Меррик де Бокур был облачен в темные мрачные одежды, и столь же мрачным было выражение его лица. Зато глаза – по контрасту с черными волосами и смуглой кожей – поражали яркой синевой, на дочерна загорелом лице они казались совсем светлыми, будто отлитыми изо льда.

Льду Клио не доверяла. Однажды, еще маленькой девочкой, она подобрала длинную сосульку, которая упала с крыши кладовой, и посмотрела сквозь нее. Голубоватый лед искажал мир до неузнаваемости, и все предметы вокруг виделись ей искривленными, деформированными...

Так каким же был этот человек, в чьи руки она должна отдать свою жизнь и судьбу? Очевидно, его следовало побаиваться. Она встречала воинов, подобных ему, и прежде, но знала о них очень мало. А этот и без доспехов был будто закован в броню и казался человеком холодным, опасным, не способным на нежные, глубокие чувства.

Он придвинулся к ней вплотную и сжал ее плечи твердыми ладонями, которые больше пристали бы кузнецу, а не знатному лорду. Клио прижималась спиной к каменной холодной стене, не имея возможности ни сдвинуться с места, ни убежать. Она даже говорить не могла.

– Осторожно, рядом окно, – неожиданно произнес Меррик, и Клио даже не сразу поняла, что он имеет в виду. Он улыбался ей, однако глаза его не смеялись и смотрели на нее серьезно, даже, пожалуй, сурово. – Одно неверное движение,

миледи, и вы, того и гляди, окажетесь во рву.

5

Меррик не выбросил Клио в крепостной ров, хотя вид у него был такой, будто он и в самом деле намеревался это сделать. Вместо этого он сообщил ей, что на следующее утро предполагает ознакомиться с постройками замка и очень надеется, что она будет его сопровождать.

У Клио не нашлось времени, чтобы ему ответить: когда у нее, наконец, прорезался голос и она поняла, что разговоры о замковом рве – всего только шутка, Меррик и сэр Роджер удалились из ее комнаты так же неожиданно, как пришли.

Так или иначе, на следующее утро Клио – хотя и не без легкого трепета в коленях – направилась в главный зал Камроуза, где должна была встретиться со своим женихом. Правда, водяные часы, которые она купила у одного венецианца на ярмарке, показывали, что оговоренное вчера время встречи с Мерриком давно уже истекло, но это ее ничуть не огорчило.

Закрыв дверь, ведущую в спальные покои, Клио прошла по длинному коридору. Потом ей пришлось совершить несколько привычных па: три ступени вниз – одна вверх и вбок, три ступени вниз – одна вверх и вбок... и так всю дорогу, пока она спускалась по винтовой лестнице.

Оказавшись внизу, она по привычке принялась напевать себе под нос какой-то мотивчик и подбросила в воздух ру-

мяное наливное яблочко, которое сразу же поймала и с хрустом укусила за сочный бочок. Потом Клио подняла глаза и окинула взглядом верхние жилые этажи, где кованые железные ставни уже были распахнуты навстречу сверкающим солнечным лучам, позолотившим тесаные каменные глыбы, из которых были сложены стены.

Утро казалось свежевымытым, прозрачным и настолько ярким, что каждому было ясно: день предстоял чудесный. В сущности, день уже настал, потому что Клио припозднилась – часа на два, не меньше.

Дело в том, что ночью, ворочаясь с боку на бок на постели, она придумала свой очередной «удивительный план». Это была своего рода тактика оттяжек и проволочек, которую использовал в войне против Ганнибала римский полководец Фабий. Ганнибалом, правда, в данном случае должен был сделаться ее жених, Меррик де Бокур, заставивший ее томиться в монастыре на два года дольше, чем ей было обещано.

В соответствии с этим планом Клио решила никуда не торопиться – как бы ни настаивал Меррик – и всегда опаздывать, куда бы он ее ни звал, по крайней мере часа на два. Стоило помножить два часа на двадцать лет, как получался срок, равный примерно тем самым двум годам, которые Клио пришлось провести в монастыре сверх оговоренного в брачном договоре времени. Такого расписания леди Клио и собиралась придерживаться впредь в течение ближайших

двух десятилетий. С ее точки зрения, справедливость требовала именно этого. Направляясь в главный зал, она шла по темному сводчатому коридору, который освещался одним-единственным факелом, мимо ниши, где прежде висел тканый ковер голландской выделки. Теперь, правда, там ничего уже не висело – на этом месте остались только облупившаяся штукатурка да железный проржавевший крюк, к которому когда-то крепился гобелен. Зато на выбеленных стенах виднелись отметины от ударов мечей и боевых секир – можно было подумать, что прежним владельцам замка доставляло удовольствие наносить раны здешним стенам.

Клио опечалилась и прочитала про себя короткую молитву, поминая бабушку, которая очень гордилась голландским гобеленом. Клио не знала, куда этот тканый ковер девался, но была полна решимости вернуть на стены и в комнаты все, что исчезло оттуда за время ее отсутствия. Ей очень хотелось снова сделать замок похожим на уютное жилище, каким он был прежде, когда об этом заботились женщины ее рода. А если сэр Меррик окажется такой скотиной, что не даст ей на это денег, – плевать! Она сама всем этим займется, особенно если ей удастся наладить изготовление валлийского эля – так Клио называла про себя напиток, рецепт которого составляла бесконечными ночами в монастыре. Какого черта, спрашивается, ей пресмыкаться перед мужчиной, когда к ней потекут денежки от продажи верескового эля?!

Девушка смахнула крошки сыра с нагрудника своего жел-

того полотняного одеяния, которое было ей не к лицу и не нравилось не только ей, но и аббатисе. Последняя часто спрашивала, уж не больна ли она, когда Клио являлась к ней в этом платье. Волосы, правда, она причесала на придворный манер – вспомнив, как причесывались дамы при дворе королевы.

У Клио была такая масса волос, что они – даже уложенные в тугие косы – походили на тяжкие серебряные слитки, привязанные к ушам. Рукава же ее платья, наоборот, выглядели слишком пышными, и оттого ее руки казались тоньше и слабее, чем они были на самом деле. Однако Клио считала это платье самым приличным в своем скудном гардеробе. Хотя, если уж смотреть правде в глаза, она в нем имела вид на редкость беспомощной женщины – и это был непреложный факт, от которого не удавалось отмахнуться.

Придав своему лицу самое невинное выражение, леди Клио свернула за угол и вошла в главный зал замка. Вошла – и замерла, будто ее сразил недуг. Зал был пуст. Никаких тебе бравых воинов и оруженосцев, сидевших на лавках вдоль стен. Никаких яств на застеленных пестрыми скатертями столах. Ни тебе почтительных слуг, ни менестрелей с лютнями, ни вина, ни пива. А главное – во главе стола не было раздосадованного долгим ожиданием графа!

Девушка решительным жестом уперла руки в бока и оглянулась – вокруг никого, кроме нескольких борзых, хмуро взиравших на нее. Черт возьми, неужели граф догадался о

плане, который она лелеяла?

Леди Клио спустилась во двор, где гуси и утки водили свои медлительные хороводы, а большой индейский петух выступал с такой важностью, что не замечал ни ее, ни цыплят, стайкой носившихся у него под ногами. Зато Клио увидела в развалинах избушки медника голову Циклопа, которую венчал ястреб Грош, походивший сейчас на плюмаж на шлеме античного бога.

«Вот ведь незадача! – подумала она. – Здесь кругом столько мышей, что им теперь никакая хозяйка не нужна. Глаза у них, во всяком случае, сытые и ленивые».

В замковом дворе тоже не было ни души. Девушка прошла его из конца в конец и по-прежнему никого не встретила. Было похоже, что на свете не существовало людей вообще.

Внезапно Клио услышала голоса, доносившиеся из-за стен замка. Она бросилась к воротам, промчалась, как молния, по доскам подъемного моста и вырвалась на простор.

Там, на просторе, за стенами замка собрались, казалось, все, кто жил в этой местности, – и беднейшие крестьяне, и арендаторы, и воины. Они рядами стояли вдоль огромного, украшенного гербами шатра. В каждом углу шатра торчали копья, на которых развевались флажки с изображением красного льва, а также креста и меча. Стоило только подняться ветерку, как красный геральдический лев оживал и начинал перебирать в воздухе лапами.

Клио подошла немного ближе, чтобы выяснить, что же

происходит около шатра. Сэр Меррик прогуливался рядом с этим величественным сооружением, время от времени вступая в разговоры с простолюдинами. На нем не было ни шлема, ни щита с геральдическими львами – одна только длинная кольчуга, которая выглядывала из-под черной, как ночь, туники, будто тяжелая серебристая кайма. На боку у него висели меч и кинжал.

Дохнул ветерок и заиграл черными волосами графа, которые спускались длинными прядями до самых плеч. На мгновение солнечный свет чуть позолотил его кудри, после чего отразился, будто в зеркале, в серебряных ножнах меча.

Блеск вооружения сэра Меррика ослепил Клио и заставил ее прикрыть глаза рукой от нестерпимого сияния.

Между тем де Бокур, заложив руки за спину, продолжал расхаживать вдоль вытянувшихся цепочками людей, заговаривая то с одним, то с другим крестьянином. Клио отметила, что слуги в его присутствии чувствуют и ведут себя довольно свободно. По крайней мере, никто из них не стоял перед графом на коленях и не валялся у его ног в пыли.

Поразмыслив немного, Клио двинулась вперед – туда, где развевались флаги, и высилась громада шатра. Ее увидели, и в ее сторону повернулось множество голов. Однако огненно-рыжей головы сэра Роджера, которую она пыталась отыскать взглядом, нигде не было видно.

«Разве его здесь найдешь? – подумала девушка. – Это все равно, что искать рыжую иголку в стоге скошенной осенью

травы».

Остановившись на расстоянии нескольких ярдов от Меррика, Клио ожидала, что уж тут-то он ее обязательно приметит и подаст какой-нибудь знак – заговорит с ней, одарит ледяным взглядом или даже раздраженно гаркнет – то есть поведет себя так, как это пристало Красному Льву. Единственное, о чем она не подумала, так это о том, что Красный Лев не обратит на нее внимания вовсе. Однако именно так и случилось.

Клио захотелось подойти к Красному Льву и дать ему хорошего пинка – до того она была раздосадована, что ее план не сработал. Разумеется, она этого не сделала: уж не настолько была глупа. Разозлена – пожалуй, но не глупа – это точно. Поэтому Клио осталась на месте и простояла так довольно долго. На нее время от времени поглядывали – сначала с недоумением, а потом, когда ее бессмысленное ожидание начало затягиваться, то и с жалостью. От этого унижение казалось ей еще более нестерпимым.

Между тем ее жених беседовал с местным крестьянином по прозвищу Томас Пахарь. Тот уже много лет арендовал у владельцев замка большой клин земли и каждый год со всем тщанием засевал поле ячменем, пшеницей или клевером под сено. Теперь же Томас рассказывал своему новому лорду о секретах обработки и орошения земли и о том, какие растения и когда лучше всего высаживать.

Клио продолжала ждать, и чем дольше она ждала, тем вы-

ше задирала голову – не дай бог, кто-нибудь догадается, что на душе у нее скребут кошки. Однако лорд Меррик уделял ей не больше внимания, чем какой-нибудь мухе. Чтобы заняться хоть чем-нибудь, Клио принялась решать в уме задачки, которые ей задавали в монастыре, обучая математике. Правда, теперь условия задач подверглись известной корректировке, – к примеру, она пыталась вычислить, сколько раз нужно ударить секирой, булавой или боевым цепом графу по голове, чтобы привлечь его внимание. Или – того лучше – сунуть ему за шиворот кольчуги пригоршню голодных блох. А уж если бы у нее сию минуту оказались под рукой три лягушки и жаба, то она...

– Леди Клио, милорд, – почтительно произнес Томас Пахарь, и, будто по команде, все головы повернулись в ее сторону, а глаза окружающих снова впились в ее лицо. За исключением глаз Меррика.

Клио заметила, правда, что он самую малость напрягся, услышав ее имя, но по-прежнему вел себя так, будто не имел представления, что она находится рядом. Кто его знает, может, он и в самом деле не догадывался, что она стоит в толпе? Что, если он глуховат? Или отупел от многочисленных ударов, которые наверняка сыпались градом на его прикрытую шлемом башку во время сражений? Или, хуже того, он...

– Неужели леди Клио интересуется твоими посевами? – неожиданно произнес Меррик, и Клио поняла, что он все прекрасно слышал.

– Как вам сказать, милорд? – Томас, переминаясь с ноги на ногу, смотрел то на нее, то на графа. – Она, видите ли, испытывает интерес только к одному злаку.

О господи! Не хватало еще, чтобы Меррик докопался до самой заветной ее тайны! Вперив взгляд в Томаса, она выразительно замотала головой, но тот уже ел глазами своего нового лорда.

– Леди Клио, милорд, проявляет большой интерес к ячменю, – заявил Томас, уже больше на нее не оглядываясь. – Она решила выкупить у арендаторов все делянки, где они выращивают ячмень, и устроить пивоварню, чтобы варить эль по собственному рецепту.

– Эль по собственному рецепту? – будто эхо, отозвался Меррик и, наконец, устремил взгляд на Клио.

– Вот и изволь после этого думать, что он глухой или тупой! – пробурчала себе под нос девушка.

– Точно так, милорд, – отвечал Томас Пахарь. – Леди Клио сообщила нам, что научилась в монастыре варить какой-то особенный, прежде невиданный эль? А еще она сказала, что мы теперь горя знать не будем.

Когда Меррик снова посмотрел на нее, Клио поняла, до чего же это непростое дело – состязаться с ним взглядами в упор. Его холодные голубые глаза наполняли душу странным беспокойством.

– У нашей леди были великие замыслы по поводу создания собственной пивоварни при замке Камроуз! – с гордо-

стью поведал Томас милорду.

– И что же, сейчас ее планы не претерпели изменений? – продолжал допрашивать арендатора Меррик, не сводя с Клио стеклянного взора, выражение которого невозможно было прочитать.

– Да вроде нет, милорд, не претерпели.

Клио хотелось одного – чтобы Томас Пахарь на время потерял дар речи.

– Подойдите, миледи, – неожиданно произнес Меррик, протягивая к ней руку.

В его голосе звучали такие повелительные интонации, что, казалось, им невозможно было противостоять. Во всяком случае, ноги Клио, не спросясь хозяйки, сами понесли ее к Красному Льву, хотя сознание девушки всячески пыталось заставить их остановиться.

«Где же твоя гордость?! – вопила та часть ее существа, которая вступила в поединок с Мерриком. – Оставайся на месте и не обращай на него внимания, как прежде он не обращал внимания на тебя!» Между тем другая часть ее сознания – более рациональная – твердила: «Нельзя вступать с ним в перебранку при крестьянах и слугах. Это нехорошо».

Так или иначе, не прошло и минуты, как Клио уже стояла перед Мерриком де Бокуром, смирив свою гордость. Ей даже пришлось послушно вложить свою руку в его ладонь, поскольку она не могла в тот миг поступить по-другому. Когда же ладонь Меррика охватила ее трепещущие пальцы, Клио

ощутила не только ее крепость, но и мозоли на ней – оттого, должно быть, что рыцарь слишком долго стискивал рукоять меча, слишком часто натягивал поводья лошади и держал в руке копье или боевой цеп. Короче говоря, это были мозоли от тех орудий уничтожения, которые графу приходилось все эти годы сжимать в своей могучей длани.

В сущности, в подобном приветствии графа не было ничего для нее зазорного – это был обычный жест знающего свет человека. Много раз ее точно так же приветствовал отец, другие рыцари и, наконец, сам король. Однако же теперь этот жест показался Клио слишком интимным – особенно перед лицом толпы.

Можно было подумать, что граф прочитал ее мысли, потому что он вдруг повернулся лицом к людям и воздел вверх их сомкнутые ладони. Так они и стояли некоторое время бок о бок, будто единое существо: граф Меррик де Бокур, совершенно незнакомый ей человек, и она, грешная.

Его пальцы крепко охватывали ее руку, подобно железным браслетам, которыми узников приковывали к стене подземелья. В эту минуту Клио с ужасом почувствовала, что вся ее воля начала медленно перекочевывать к другому человеку...

6

Меррик повел свою невесту за руку к ее родовому замку. Со стороны можно было подумать, что он ведет ее на заклание – до того она была молчаливой, бледной и поникшей. Казалось, она ожидала от судьбы одного – мученического венца. Во всяком случае, Клио мало напоминала то подвижное, жизнерадостное существо, которое еще сегодня утром танцевало и пело у себя в спальне.

Увы, сейчас не было видно ее платиновых, с золотистым оттенком волос, которые доходили едва ли не до пят, когда она их распускала. Не было зеленого, под цвет леса, платья, а главное – у нее на устах не было той светлой улыбки, которая делала ее похожей на королеву эльфов.

Теперь лицо Клио было бледным, почти серым, да и платье на ней больше напоминало саван, нежели одеяние светской дамы. Волосы, стянутые за ушами в два тугих узла, были утыканы таким количеством булавок, что это наводило на мысль о терновом венце Христа, когда он отправлялся в последний страдный путь. Кроме всего прочего, она прикрепила на затылке клочок шелка самого неприглядного серого оттенка, который, пожалуй, еще мог бы понравиться шелковичным червям, но уж никак не людям.

Меррик время от времени мрачно посматривал на нее. Совсем недавно он наивно полагал, что его будущая жена

будет хоть в чем-то походить на одно из тех бесплотных существ из легенды, которые, как известно, объявляются в лесу лишь по ночам, когда светит полная луна, – скажем, на эльфа в женском обличье...

Взгляд его снова упал на спутницу, которая уныло плелась с ним рядом. Воистину, солнечный свет не слишком ее красил! Некоторое время он ждал, что девушка задаст ему хоть какой-нибудь вопрос. Но, кроме звуков пробуждавшегося к жизни человеческого улья, каким снова сделался замок, когда туда вернулись его обитатели, он так ничего и не услышал. Его невеста молчала, подобно скале.

Тогда, глядя прямо перед собой, Меррик произнес:

– Может быть, расскажете мне о своем эле?

Девушка вскинула голову и бросила на него быстрый взгляд, однако голос ее прозвучал подчеркнуто равнодушно:

– Собственно, и рассказывать-то особенно нечего. Монастырь, в котором я жила, издавна торгует элем. Поскольку мое пребывание в стенах обители затягивалось, аббатиса послала меня помогать сестре Эмис, трудившейся в монастырской пивоварне. А у нее имелся свой особый рецепт приготовления эля – вот и все.

– И что же это за рецепт?

– Да так, ничего особенного. Скажем, ее пиво было покрепче того, что варили в округе. Его хорошо раскупали, и это приносило монастырю неплохой доход.

– Но если вам так уж хочется заниматься изготовлением

эля, отчего не нанять пивовара?

– Ни за что!

Меррик замер: леди Клио неожиданно снова пробудилась к жизни. Она положила ему ладонь на сгиб локтя и посмотрела прямо в глаза внезапно вспыхнувшими глазами.

– Я бы хотела варить эль самостоятельно. Пожалуйста, не запрещайте мне этого, милорд! Я люблю варить эль. Мы с сестрой Эмис как раз занимались изысканиями в этой области, пытаясь дополнить рецепт новыми ингредиентами, но она, к несчастью, умерла.

– И что же это были за ингредиенты?

– Специи и травы. Ничего необычного. – Клио внезапно потупилась, но руки с его локтя не убрала.

– У вас, миледи, будет достаточно забот в замке, – заметил Меррик.

– Знаю. Но обещаю вам, милорд, что службы замка не останутся без хозяйского глаза. А, кроме того, даю вам слово, что в замке Камроуз будут варить лучший в этих краях эль.

Меррик уловил в голосе невесты горделивые нотки и подумал, что, по большому счету, понимает побудительные мотивы ее поступка. Опустив взгляд на крохотную ладошку, которая продолжала лежать на сгибе его локтя, он произнес:

– Если хотите варить пиво, миледи, то и варите себе на здоровье!

Девушка низко склонила перед ним голову.

– Благодарю вас, мой господин! – с подчеркнутым смирением сказала она.

«А все-таки научили ее монашки кротости», – подумал лорд и усмехнулся:

– Главное, не пытайтесь напоить моих людей вересковым элем.

– Вересковым элем? – повторила девушка.

В мгновение ока она убрала ладонь с его руки и устремила на Меррика взгляд, в котором мало что осталось от покорности, зато проступила бездна изумления.

– Судя по вашему взгляду, миледи, вы не имеете представления о том, что такое вересковый эль, и не знаете легенд, связанных с этим напитком. Говорят, что древние пикты варили такой крепкий эль, что он помогал им побеждать солдат Юлия Цезаря. Разумеется, подобного напитка никогда не существовало. Однако до сих пор находятся глупцы, которые стремятся отыскать рецепт его приготовления и по этой причине варят несусветное пойло, способное отправить на тот свет ни в чем не повинного человека.

Клио почувствовала неприятную дрожь в коленях, и ее ответ прозвучал куда менее убедительно, нежели ей бы хотелось.

– Клянусь, милорд, у меня и в мыслях не было травить ваших людей.

– Я в этом не сомневался, миледи. Кстати, мне кажется, вам давно уже пора называть меня Меррик.

Девушка промолчала. Они вместе шли к замку, который должен был принадлежать им двоим, а в будущем – кто знает? – возможно, и их детям, но Клио чувствовала, что они с графом все еще оставались абсолютно чужими друг другу людьми.

Между тем Меррик искоса поглядывал на свою невесту, задаваясь вопросом, чем заняты в этот момент ее мысли. Потом, устремив взгляд прямо перед собой, он сказал:

– Глупо, пожалуй, было вверять вас монастырским стенам.

– Еще глупее, милорд, отсутствовать столь долгое время! – моментально парировала Клио.

– Увы, сударыня, сократить время пребывания на чужбине было не в моей власти.

– Как и время моего пребывания в монастыре.

Рыцарь промолчал. Вместо ответа он всматривался в лицо своей будущей жены, будто пытаясь проследить за ходом ее мыслей. Однако Клио упорно отводила взгляд: казалось, она разгадала его намерение и не желала, чтобы граф проник внутренним взором в ее тайные помыслы.

– Вы, должно быть, злитесь на меня за то, что я не женился на вас на два года раньше, как обещал? – наконец спросил он.

Клио снова ничего не ответила, и тогда Меррик не выдержал:

– Вы все молчите и молчите... Вам что – нечего сказать?

– По-моему, я уже сказала достаточно.

– Боюсь, вы не сказали и половины того, что думаете по этому поводу.

– А зачем? Как говорится, что было, то было – и быльем поросло. – Голос Клио прозвучал сухо, как шелест августовской травы.

– Да, это так. Былое назад не воротишь.

Клио лишь пожала плечами, но Меррик чувствовал, что она ожидает от него ответа на свои вопросы, пусть и невысказанные. Так или иначе, он счел необходимым ей хоть что-нибудь объяснить.

– Знаете, Клио, я – человек военный. Долгое время я был обыкновенным служилым рыцарем, а до того меня обучали воинским искусствам. Должен вам заметить, что путь воина – единственный известный мне путь. Я привык выполнять распоряжения своего сеньора, и так уж вышло, что моим сеньором является наш нынешний государь. Для меня нет ничего важнее этого служения, и смею надеяться, что я с ним справляюсь неплохо. Если бы меня не оказалось рядом с ним в нужный момент, его, пожалуй, уже не было бы в живых. Равным образом, если бы рядом не было короля, я бы давно уже сгнил в какой-нибудь гнусной яме в пустыне, и ваш жених, миледи, являл бы теперь собой кучку выбеленных солнцем костей.

Меррик изо всех сил старался, чтобы его голос звучал ровно – без гнева или раздражения. Он хотел дать понять своей

суженой, что вовсе не собирается перед ней извиняться или оправдываться. Его рассказ был всего только сухим изложением фактов – и не более того. Подобным образом он объяснялся бы с таким же, как и он сам, рыцарем, а за неимением равного по званию собеседника – то с оруженосцем или даже со слугой.

Казалось, девушка воспринимала его слова с полнейшим равнодушием. Во всяком случае, она по-прежнему пребывала в мрачном молчании. Внимание Меррика почему-то привлекла ее макушка, на которой унылым флагом торчал кусок серого шелка, предназначенный якобы для того, чтобы украшать прическу.

– У меня есть новости, которые, возможно, вас порадуют, – вздохнув, добавил он. – Король Эдуард дал разрешение основательно укрепить Камроуз.

Девушка остановилась и в удивлении вскинула на графа глаза.

– Я хочу поставить вас в известность, что наш государь дал указание перестроить замок и собирается для этого выделить из казны кругленькую сумму, – объяснил он.

– Вы хотите сказать, что Его Величество готов дать деньги на переустройство замка?!

– Совершенно справедливо, миледи.

Преображение леди Клио произошло с такой быстротой, что Меррик не успел и глазом моргнуть. Она уже не тащилась больше по доскам подъемного моста с таким видом,

будто на нее давили грехи всего человечества. Теперь шаг ее сделался упругим и легким, а былая сутулость исчезла без следа.

Но более всего лорда поразили изменения, которые произошли с лицом девушки. На нем одновременно отразились радость, облегчение и еще какое-то чувство, которому Меррик пока не мог подобрать названия.

Неожиданно Меррику пришло на ум, что в их с Клио отношениях тоже могут произойти изменения – и столь же молниеносные. Он всматривался в ее черты, не уставая удивляться тому, насколько они преобразились. Всего несколько минут назад рыцарь думал, что его невеста при свете дня выглядит абсолютно невыразительной. Ничего подобного! Теперь ее лицо, освещенное улыбкой, было прекрасным и ярким, как майский день. Как ни странно, Меррик даже испытал определенный душевный подъем при мысли, что его слова вызвали на устах Клио эту волшебную улыбку, которая так ее преобразила.

В следующее мгновение, однако, улыбка погасла и Клио обрела свой прежний вид – задумчивый и печальный. Меррик же подумал, что был бы не прочь как можно чаще видеть эту улыбку, которая являлась лучшим украшением его невесты.

Шествие по мосту возобновилось. Неожиданно Меррик нагнулся, ковырнул пальцем деревянное покрытие у себя под ногами и нахмурился.

– Доски кое-где придется заменить. Видите? – Он указал на трещины, избороздившие поверхность моста, словно глубокие морщины. – Подъемный мост необходимо сделать попрочнее. Со временем я, вероятно, уложу здесь тесаные каменные плиты или, на худой конец, застелю все новыми досками. Можно также построить дополнительный мост, выдвижной, деревянный, но на металлическом каркасе. Клио снова оживилась.

– По-моему, каменное покрытие подойдет как нельзя лучше, – быстро сказала она.

«Она права, – механически отметил про себя Меррик. – Каменный подъемный мост враги не смогут поджечь».

Клио перегнулась через древние деревянные перила, заглянула в замковый ров и поморщилась.

– Вода во рве зацвела и дурно пахнет. Хорошо было бы осушить ров и как следует его вычистить.

– Что ж, пожалуй, так мы и сделаем. – Меррик подумал, что его невеста обладает хозяйственной сметкой, и порадовался, что шесть лет назад остановил свой выбор именно на ней. – Кроме того, ров необходимо расширить раза в два или три и основательно углубить.

Рыцарь помолчал, мысленно прикидывая будущие оптимальные размеры рва. Копать надо глубже, чтобы враг не смог подвести подо рвом подкоп, а если сделать ров пошире, к стенам замка не подберется ни одна осадная башня. «Тогда и подъемный мост будет уничтожить куда труднее», – поду-

мал он: ему не давала покоя мысль, что подступы к воротам нужно укрепить как можно тщательнее.

– Тогда бы мы смогли развести лебедей! – неожиданно с энтузиазмом произнесла Клио, и Меррик изумленно уставился на нее.

– Лебедей?!

«Какие, к черту, в крепостном рву могут быть лебеди? – искренне недоумевал он, глядя вслед Клио, которая уже двигалась по направлению к воротам. – Разве что такие, которые бы плевались во врага ядом и пожирали неприятельских солдат».

Меррик тут же дал себе слово, что разводить лебедей не позволит. Когда он нагнал Клио, она стояла, задрав голову, и что-то высматривала в стене воротной башни.

– Вот ужас-то! – воскликнула она, уперев руки в бока. – Эти штуки называются бойницами, не так ли?

Меррик проследил за ее взглядом и решил, что бойницы и в самом деле оставляют желать много лучшего. Два жалких окошечка – слишком маленьких и узких, чтобы сквозь них можно было что-либо высмотреть или в кого-нибудь попасть, выпустив стрелу из арбалета. И это в замке, который находился на границе с Уэльсом, где стычки происходили постоянно! Невероятно!

– Абсолютно с вами согласен. Ничего глупее быть не может.

Меррик подумал, что построит новую воротную башню

– могучую и несокрушимую, – в стенах которой будет достаточно удобных бойниц, чтобы при необходимости можно было угостить неприятеля градом стрел и других метательных снарядов. Сквозь новые ворота не прорвется ни один вражеский солдат.

В течение примерно часа они бродили по замку. По настоянию Клио Меррик поднялся по лестнице к тому месту, где когда-то висел бабушкин гобелен, а также прошел по залам, стены которых прежде тоже были украшены тканными коврами. Заодно она рассказала ему, что рамы, куда были вставлены мутноватые, с зеленым отливом стекла, раньше были инкрустированы пластинами из полированной кости.

Меррик слушал ее снисходительно, понимая, до чего трудно было девушке вернуться в родимый дом и обнаружить, что он пребывает в крайнем запустении. К тому же следовало помнить, что его спутница была знатной дамой, а потому могла иметь собственные взгляды на жизнь, в корне отличавшиеся от его взглядов.

Когда он твердил ей об амбразурах, она видела перед собой огромные стеклянные окна, дававшие много света. Когда он говорил о том, что было бы неплохо увеличить количество дымовых труб, она принималась рассказывать ему, с какой роскошью отделаны камины при дворе королевы. Увы, леди Клио не была создана для войны, а потому Меррику оставалось только слушать ее рассуждения, помалкивать и терпеть.

Журчавшая, как ручеек, речь леди Клио не мешала ему думать, и, пока они бродили по замку, Меррик окончательно утвердился в мысли, что жилую часть замка необходимо перестроить и увеличить, как минимум, раза в два, а деревянные крыши заменить на металлические. Когда он поведал ей эту свою идею, Клио захлопала в ладоши. Однако Меррик быстро умерил ее восторг, сообщив, что металл – лучшая защита от огненных стрел, и он готов пойти на дополнительные расходы исключительно из соображений обороны, а не для того, чтобы обитатели замка могли вечерами наслаждаться звонким перестуком дождевых капель о жестяную кровлю.

К тому времени, когда они уселись в главном зале за стол, чтобы перекусить и промочить горло стаканчиком доброго вина, Меррик почувствовал, что его терпению приходит конец. Прежде всего, Клио отказалась есть хлеб и всякий раз ставила блюдо так, чтобы и Меррик не мог до него дотянуться. При этом она продолжала неустанно трещать, рассуждая о предметах, которые казались Меррику малозначительными и не стоящими внимания.

– Вы только представьте себе наш замковый ров в будущем, Меррик! Черные лебеди, кувшинки, водяные лилии, заросли цветущей жимолости на берегу ну и, конечно же, маленькая лодочка поблизости.

– Что вы сказали?!

– Лодочка...

– Вы что же, хотите, чтобы валлийские разбойники плы-

ли на этой лодке по замковому рву, наслаждаясь красотой лилий, грацией лебедей и вдыхая аромат цветущей жимолости? Может, в таком случае нам следует приветствовать их звоном фанфар, перебросить через ров выдвижной мост и закатить по поводу вторжения валлийцев пир?

Клио вскинула на Меррика глаза, в которых не было сейчас ни намека на смирение и покорность.

– Не пытайтесь выставить меня дурочкой, милорд. Вы отлично поняли, что я говорила сейчас не об уэльском вторжении, а о том, каким прекрасным мог бы со временем сделаться замок.

– Замки предназначены для обороны. Их строят для того, чтобы обеспечить безопасность обитателей.

– Но ведь то, о чем я говорила, – это всего только мечты, ничего больше, – произнесла Клио, не сводя с Меррика испытующего взгляда.

Тот перегнулся через стол и схватил горбушку хлеба, прежде чем Клио успела отодвинуть блюдо.

– Мечтать, грезить! – пренебрежительно хмыкнул он. – Глупейшее времяпрепровождение – как раз для женщин. – С этими словами он впился крепкими зубами в горбушку.

Настроение Клио моментально изменилось. Она бросила на Меррика гневный взгляд, после чего ее лицо приняло странное выражение, в котором только очень зоркий и опытный глаз различил бы скрытое торжество. Взяв в руки блюдо с хлебом, Клио спросила елейным голоском:

– Не желаете ли еще, милорд?

– Не желаю! – отрезал Меррик.

Эти неожиданно проскользнувшие в голосе его суженой слащавые нотки весьма ему не понравились. Кроме того, еще минуту назад он был для нее Мерриком, но по какой-то неизвестной причине снова сделался «милордом».

Выждав минуту, Клио опять заговорила подчеркнуто вежливо:

– Так вы, стало быть, утверждаете, что мужчины мечтаниям и грезам не предаются?

– Естественно. У нас есть куда более важные дела, требующие неусыпного внимания.

– Неужели? А как же вы сами, милорд?

– Я? – Меррик удивленно поднял на нее глаза. – Разумеется, мне это тоже совершенно чуждо. За настоящими мужчинами такой слабости не водится.

– Ха!

– И что же вы хотите сказать этим вашим «ха!»?

– Только одно: что вы, не будучи женщиной, с такой же легкостью отдаетесь мечтам, как и я.

Меррик уже не мог больше сдерживаться и расхохотался.

– Отдаюсь мечтам? Я? Что за глупости! Воин, который предается мечтам и грезам, все равно что труп.

Клио поднялась, положила руки на столешницу перед собой и нагнулась к Меррику.

– В таком случае, милорд, у меня может сложиться впе-

чатление, что я говорю с призраком.

– Извольте объясниться!

Безапелляционность Клио страшно раздражала Меррика. Как-никак, она женщина и должна ему подчиняться, а не пытаться его поддеть с помощью своих хитрых уловок! Рыцарь вскочил на ноги точно так же, как это сделала Клио, оперся руками о столешницу и наклонился вперед, ожидая ответа. Клио усмехнулась:

– «Можно также построить дополнительный мост, выдвижной...» – почти слово в слово процитировала она Меррика, стараясь к тому же имитировать интонации его голоса. – Так вот, никакого выдвижного моста у нас пока нет, милорд! – торжественно объявила девушка, после чего, высоко задрав нос, гордо продефилировала мимо Меррика.

Не прошло и нескольких секунд, а ее уже не было в зале. Слышался только сердитый цокот каблучков о каменные ступени, но и он скоро затих.

Меррик продолжал стоять у стола, по-прежнему чуть наклонившись вперед и опираясь руками о столешницу. Со стороны можно было подумать, что его поразил столбняк. Но через пару мгновений рыцарь выпрямился и покачал головой. У него было такое ощущение, будто он оказался по пояс в болоте и гнилая жижа продолжает его засасывать. Налив себе бокал слабенького, разбавленного водой вина, он единым духом его осушил. Не помогло. Тогда Меррик завел за голову руку и принялся массировать шею, как делал всякий

раз в затруднительных ситуациях.

На него вдруг снизошло озарение. Он понял, что все его мечты о спокойной и мирной жизни, о которой он так долго грезил в походах и перерывах между боями, не стоили ломаного гроша и готовы были каждое мгновение рассыпаться в прах.

Перед ним предстала его будущность во всей ее неприглядности. Ему стало ясно, что ни один бунтовщик или разбойник из Уэльса не принесет ему столько беспокойства и не испортит столько крови, сколько эта маленькая женщина по имени леди Клио из Камроуза, с которой ему предстояло коротать свою жизнь...

7

Пивоварня, которая имелась при замке, являла собой воплощенные хаос и запустение. Полы были затоптаны и заплеваны до крайности, а по углам шныряли крысы. Старые чаны насквозь проржавели, их, словно одеялом, окутывал толстый слой паутины. Металлические трубы, которые были призваны снабжать пивоварню водой, как выяснилось, выходили не к источнику, не к ручью и даже не к замковому колодцу, а прямиком к загаженному крепостному рву.

Чтобы все это вычистить и кое-как наладить, понадобилось несколько дней. Клио, Долбодуб, Долговяз и старая Глэдис трудились не покладая рук и достигли невиданных результатов. Во всяком случае, к полудню третьего дня каждый, кто проходил мимо распахнутых окон пивоварни, имел возможность обонять пряный аромат высушенных луговых трав, цветов и специй, который оттуда доносился, вместо запаха прели, плесени или гниения. Пол был чисто выметен метлой на длинной ручке, которую брат Дисмас преподнес старой Глэдис, предварительно предложив старухе использовать ее в качестве транспортного средства. Это случилось, когда старая женщина в очередной раз вспылила и выразила желание убраться из замка Камроуз куда-нибудь подальше.

Тем не менее избавиться до конца от грязи, пыли и дурного запаха поначалу не удавалось, и, когда пробная порция

эля была сварена, при дегустации выяснилось, что в нем чувствуется неприятный привкус, не говоря уже о том, что на зубах временами поскрипывал песок. По этой причине было решено еще раз все выскрести и полностью переложить полы в пивоварне, для чего у каменщиков, которые трудились на графа, было похищено несколько каменных плит. В последнее время в Камроуз стекалось множество самого разнообразного мастерового люда, каменные плиты горами лежали во внутреннем дворике замка, и Клио пришла к выводу, что пропажа дюжины таких плит останется незамеченной.

Как и множество подобных строений, жавшихся к каменным стенам во внутреннем дворике замка, пивоварня представляла собой весьма убогую постройку, вымазанную снаружи глиной, замешанной на птичьем помете. Эта своеобразная штукатурка от времени и непогоды потрескалась, облупилась и нуждалась в обновлении. Но теперь, хотя бы изнутри, пивоварня выглядела довольно сносно, и там можно было работать.

Клио развесила на стенах связки сушеных трав. Чего здесь только не было! Пучки зверобоя, душистой руты, льнянки и иссопа соседствовали с сушеными ягодами рябины, желудями и грецкими орехами, разложенными по мешочкам и коробочкам и тщательно укрытыми от пыли. Здесь также имелись шафран, корица, имбирь, гвоздика, калган, тмин и орехи трех сортов – мускатные, грецкие и обыкновенные, лесные.

На полках вдоль стен красовалась на диво вычищенная всевозможная утварь – ступки и пестики, выточенные из камня и дерева, всевозможных размеров горшки, кувшины и котлы – от крохотных, помещавшихся в ладони, до огромных, которые и взрослому мужчине было удержать не под силу. Отдельно стояли изготовленные из тонкой листовой меди емкости для перца, осветленного сахара и чистой, мельчайшего помола соли.

В пивоварне за колченогим дубовым столом расположилась леди Клио, перед ней на столешнице сидел ястреб Грош. Когда стол качался, то и Грош раскачивался вместе с ним – туда-сюда, туда-сюда, – как в колыбели. При этом ястреб распростер крылья, и, подключив воображение, можно было до некоторой степени представить себе, как бы Грош выглядел в полете, если бы когда-нибудь научился летать. За всем этим одним глазом наблюдал кот Циклоп, временами вытягивая лапу в шутливой попытке закогтить птицу.

Клио в который уже раз пробежала глазами пергамент с рецептом чудодейственного эля, доставшийся ей от сестры Эмис.

– Итак, чего же мне все-таки не хватает? – спросила она себя, глубокомысленно наморщив лоб и водя пальцами по строчкам. – Молочай? Есть. Порошок сладко го фенхеля? Уже добавила. Ага, вот оно! Три четверти пинты дубильного настоя из ивовой коры.

Девушка накрошила в ступку сушеной ивовой коры, доба-

вила сухих листьев ивы и принялась с остервенением растирать их пестиком, чтобы получить порошок, который оставалось потом только разбавить водой. В это время старая Глэдис тенью металась по комнате, переставляя горшочки и баночки со специями в соответствии с положением звезд на небосклоне.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге показался брат Дисмас. Он впервые объявился в пивоварне, да и то под прикрытием огромного распятия: хотел, должно быть, уберечься от волшебства, дурного глаза или иной напасти, которую могла наслать на него старуха из про клятого богом племени друидов. Колдуньи и прочая не чисть, как известно, боялись святого креста пуще всего на свете, при виде его теряли свою силу, а то и вовсе сбегали в дремучий лес.

В поведении монаха не было ничего удивительного Глэдис и впрямь походила на старую ведьму, способную не только сглазить человека, но и сотворить с ним что-нибудь и того хуже. На голове у нее во все стороны торчали седые волосы, похожие на клочья свалявшейся овчины, а нос был такой длины и так круто загибался книзу, что Томас Пахарь не раз предлагал использовать его вместо серпа во время жатвы. Глаза у старухи были острые, словно буравчики, и темные, как ночь. Казалось, с возрастом они нисколько не выцвели. Черная одежда, которую постоянно носила эта женщина, только усиливала общее впечатление.

Как только брат Дисмас вошел в пивоварню, осторожно

выглядывая из-за своего распятия, которым прикрывался, словно щитом, старуха устремила на него пронзительный взгляд, потом прикрыла один глаз и, размахивая сморщенными руками, гнусаво запела: Эна, мена, монна, мут, Баска, тора, хора, бут, Кара, мара, бугель, бон, Убирайся, братец, вон! Цветущая физиономия монаха мгновенно утратила привычный румянец и сделалась бледной как полотно. Монах испуганно посмотрел на Клио:

– Что это она там бормочет? Заклинание, что ли, какое? Уж не хочет ли она наслать на меня бородавки или еще какую-нибудь гадость?

Старая Глэдис выдвинула вперед костлявый подбородок, вытянула шею, мгновенно сделавшись похожей на грифа, и прошипела, ткнув пальцем с длинным ногтем в монаха:

– Это очень старые, древние слова. Прежде все друиды их говаривали, когда выбирали человека для жертвоприношения.

Брат Дисмас ахнул и прижал к себе распятие с такой силой, что его нос буквально прилип к обратной стороне креста. Оборонив себя, таким образом, от нечистой силы, он принялся медленно, пятясь, отступать в сторону двери. Оказавшись в дверном проеме, монах неожиданно вспомнил, зачем приходил.

– Леди Клио! Вас разыскивает лорд Меррик.

Пробормотав затем:

– Святая Мария, Матерь Божья, помилуй нас! – брат

Дисмас скрылся из виду.

Клио покачала головой.

– И как только тебе не стыдно, Глэдис.

– Мне стыдно, миледи, – сказала старуха, но веселый отблеск, появившийся у нее в глазах, говорил об обратном.

– Ты же знаешь, как брат Дисмас боится нечистой силы. Зачем же его дразнить? Он теперь до вечера не выйдет из часовни, – заметила Клио со вздохом.

– Это точно.

Старая Глэдис виновато потупилась и прошла к булькающему на огне огромному черному котлу. Примерно такое же выражение появлялось на морде у Циклопа, когда он съедал птичку и его заставали за этим занятием. Что же касается его милости графа де Болвана, то Клио менее всего интересовало, разыскивает он ее или нет. Однако, растирая в пыль пестиком ивовую кору и листья, она с удовольствием представляла себе, как он, должно быть, бесится, тратя на поиски суженой свое драгоценное время. Ну и пусть бесится – она тоже потратила много времени зря, дожидаясь в монастыре его появления.

Размышляя над всем этим, Клио усмехнулась. Ее отец, помнится, говаривал, что она ни одной обиды не оставляет без отмщения, даже если при этом страдает ее достоинство. Что верно, то верно – отказаться от мести графу было свыше ее сил. В монастыре она научилась ждать и поняла, что такое ожидание. Что ж, и графу будет не вредно познакомиться с

ощущениями такого рода. По расчетам Клио, этот опыт графу де Болвану предстояло обретать еще очень и очень долго!

Клио уже не могла больше сдерживать себя и расхохоталась. Неожиданно она заметила, что старая Глэдис краем глаза за ней наблюдает.

– Это я так просто, не обращай внимания, – сказала Клио, махнув рукой.

Циклоп избрал именно этот момент, чтобы основательно шарахнуть лапой Гроша, после чего спрыгнул на пол и стал тереться о ее ноги. Клио удивленно взглянула на кота: он не слишком часто ласкался к ней. Однако, когда она опустила руку и почесала его за ухом, этот оранжевый дьявол изогнулся и попытался ее укусить!

Клио отдернула руку и сердитым голосом осведомилась:

– Что это на тебя нашло, а?

– Кот забеспокоился, – мрачно констатировала Глэдис и в подтверждение своих слов кивнула головой. – А это значит, что собирается буря.

Клио выглянула из маленького подслеповатого окошечка наружу. На небе не было ни облачка, и яркий солнечный свет заливал все вокруг, оставляя на полу пивоварни янтарные полосы.

Признаков надвигающейся бури нигде не было видно.

Клио покачала головой и вернулась к своему занятию. Через несколько минут она настолько погрузилась в изучение рецепта, что ничего вокруг уже не замечала.

– Долги! – спустя некоторое время позвала Клио, наклоняясь над большим черным котлом, где рождался эль. – Мне нужна твоя помощь.

– Слушаю, миледи, – произнес Долговяз, который сидел в углу и возился с цистерной для воды.

Парень с готовностью поднялся и двинулся по направлению к хозяйке, но наступил на грабли, лежавшие на полу, вследствие чего получил увесистый удар деревянной рукояткой по лбу. Хлопок был такой сильный, что по пивоварне пошел звон. Парень покачнулся, однако удержался на ногах и, нахмурившись, с остервенением потер лоб.

Клио мигом оставила свое занятие и бросилась к Долговязу, даже не заметив, что Грош, который все это время теребил клювом ее прядь, повис у нее на волосах, словно охотничий трофей на поясе у охотника.

– Ну, как ты, Долги? – участливо поинтересовалась Клио. – С котелком все в порядке?

– А что с ним сделается? Булькает себе помаленьку – эль-то еще не сготовился, – ответил малый, ткнув пальцем в котел, где набирал силу напиток.

– Я не о том! Как у тебя с головой? В глазах не двоится? – подступила к нему девушка еще раз.

– С чего бы? – удивился парень. – Ведь я еще ни одной кружечки не выпил. Эль-то еще не дозрел, говорю. Лоб, правда, побаливает – это точно.

Клио отвернулась от Долговяза и принялась медленно

считать про себя до десяти. Чтобы разговаривать с братьями, требовалось терпение святого, хотя Долбодуб и Долговяз, в общем-то, были неплохие ребята – честные, добрые и услужливые.

Мальчиков привели в монастырь, когда им было не больше шести лет от роду. В королевском лесу, где их обнаружил и подобрал странствующий менестрель, ребята жили в полном одиночестве – как два маленьких диких зверька. Что случилось с их родителями, так и осталось неизвестным.

Добрые сестры приняли малышей, обогрели, накормили и стали терпеливо обучать тому, как жить среди людей. Ребят окрестили и назвали Питер и Пол, но парни откликались только на прозвища Долбодуб и Долговяз.

Оба брата были готовы не чуя под собой ног мчаться на помощь ближнему по первому зову, но этим их сходство ограничивалось. Беда Долби заключалась в том, что ступни у него были слишком велики, он вечно ими за что-нибудь цеплялся и вследствие этого часто грохался оземь в самый неподходящий момент. Долговяз являлся его полной противоположностью и никогда не спешил и не суетился. Он жил и действовал в крайне замедленном ритме, зато отличался чрезвычайной методичностью, хотя его разум был в состоянии объять не более одного-единственного предмета за раз. И в этом состояла причина всех его жизненных неурядиц. Стоило ему сосредоточиться на какой-нибудь мысли, как он не замечал уже больше ничего на свете, не смотрел даже, ку-

да ставит ногу, и – бац! – тоже грохался оземь.

Его ничего не стоило сбить с панталыку, хотя он, как и его брат, всячески стремился угодить окружающим. Если кто-нибудь, к примеру, просил его исполнить не одно, а два дела сразу, Долги мгновенно переставал ориентироваться в окружающем мире, впадал в прострацию и мог пребывать в подавленном состоянии несколько часов кряду.

Как-то раз сестра Маргарет, отвечавшая за работы в свечной мастерской, попросила его принести воды, чтобы остудить только что отлитые свечи. Когда же Долги схватил ведро и направился к колодцу, он, на свою беду, встретил сестру Анну, которая, в свою очередь, попросила парня отыскать ее невесть куда запропастившийся молитвенник. На следующий день молитвенник был найден в колодезном ведре, а когда аббатиса зашла на склад, где хранились готовые свечи, то обнаружила там самую настоящую запруду.

Пока Клио жила в монастыре, она от нечего делать решила обучить парней грамоте. Преуспела она в этом занятии или нет – неизвестно, но с той поры братья привязались к ней, будто к старшей сестре. Они, словно два ангела-хранителя, следовали за ней по пятам и готовы были выполнить любое распоряжение, какое бы ей ни заблагорассудилось им дать.

В сущности, Долбодуб и Долговяз были хорошими парнишками – добрыми и преданными. Другое дело, что они вели себя совсем не так, как это было принято.

Клио смахнула со лба Долги прядь каштановых волос и

осмотрела свежую розовую шишку.

– Скажи-ка, ты бы хотел помочь мне приготовить невиданный прежде эль?

– Ага, – сразу же ответил малый и усиленно закивал головой.

– Прекрасно. Тогда – для начала – пойди и принеси мне соты с медом. Они лежат в глиняной миске на другом столе.

Некоторое время Долги задумчиво скреб в затылке – видимо, пытался ответить себе на вопрос, что такое «другой стол» и какой именно стол имела в виду хозяйка.

«Надеюсь, это не слишком трудная для него задача, – подумала Клио. – В пивоварне всего-то два стола. Уж как-нибудь разберется».

– За каким столом вы изволите работать, миледи? – спросил между тем парень, сохраняя на лице чрезвычайно глубокомысленное выражение.

– За этим, за каким же еще?

– Понятненько...

– Глиняная миска с сотами стоит на другом столе – вон на том, – она ткнула пальцем в сторону второго стола.

Клио вернулась на свое место и принялась отсчитывать необходимое количество палочек корицы в ожидании, когда Долги исполнит ее поручение. Однако Долги не спешил. В пивоварне установилось тягостное молчание. Осознав это, Клио вскинула голову и удивленно посмотрела на парня.

– Что-нибудь не так?

– Что-то я, миледи, ничего не пойму. Вы работаете за этим столом – так или нет? Стало быть, ваш стол «этот», а никак не «другой». Ну, а тот стол – он и есть «тот». Но где же, в таком случае, «другой»?

– Долги... – Клио изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал спокойно и ровно. – Сколько всего столов в комнате?

Парень указал на стол, за которым сидела Клио, и загнул палец. Потом он посмотрел на другой стоявший в комнате стол и снова загнул палец. Как следует изучив свою руку, он поднял на хозяйку глаза и торжественно произнес: – Два!

– Точно. Итак... если я работаю за этим столом, – Клио на всякий случай шлепнула ладошкой по столешнице, – и мне нужны медовые соты, где, как ты думаешь, они находятся?

Парень снова погрузился в размышления, но потом его лицо озарила радость открытия.

– Ясное дело, где – в улье!

– Но я же тебе объяснила, что мне нужны соты, которые лежат в глиняной миске на столе. Так где же они?

Долги нахмурился, некоторое время чесал в затылке и, наконец, высказал новую догадку:

– Может, на кухне?

Клио возвела глаза к потолку, и тут уж не выдержала старая Глэдис. Нагнувшись к парню, она зашептала что-то ему на ухо. Долговяз в изумлении уставился на старуху, недоуменно пожал плечами, после чего снова перевел взгляд на стол, за которым расположилась Клио, а потом посмотрел на

второй стол, находившийся в пивоварне.

– Это что же получается? Соты на «том» столе?

– Именно! На том. – Клио ласково улыбнулась парню и снова принялась за дело, раскладывая по кучкам и сортируя травы и специи, предназначавшиеся для котла, в котором булькал эль.

Должно быть, Долги все это время так и простоял у нее за спиной в недоумении, поскольку лишь через четверть часа, когда его пальцы коснулись ее плеча, Клио вспомнила о его существовании.

– Миледи, а миледи?

– Что тебе, Долги?

– Почему же вы мне сказали, что соты стоят на «другом» столе, если они стоят на «том»?

Клио почувствовала, что у нее начинает кружиться голова. Она тупо посмотрела сначала на свой стол, потом на другой, после чего тяжело вздохнула.

– Не расстраивайся, Долги. Это моя вина. Я дала тебе неправильные указания, потому что, сказать по правде, и сама основательно в этих столах запуталась.

– Точно! – мгновенно согласился с ней парень. – Вы сами и запутались. Да и кто не запутался бы? Уж больно все это мудрено.

Со всех ног, то есть со скоростью черепахи, Долговяз устремился к нужному столу и принялся с чрезвычайной дотошностью осматривать все до единой миски и плошки, ко-

торые там стояли. Казалось, прошли века, прежде чем он нашел миску с сотами и понес ее хозяйке, шаркая ногами по каменным плитам пола.

На дне глубокой глиняной миски янтарно поблескивали наполненные густым медом восковые ячейки сот.

– Сдается мне, миледи, что «другой» стол кто-то украл.

Клио покачала головой.

– Ну что ты, Долги! Кому нужен этот стол?

– Вы, миледи, плохо знаете сэра Меррика. Это наверняка он подменил «другой» стол на «тот», – пробормотал себе под нос Долговяз и побрел нога за ногу в свой угол. Клио была уверена, что когда он туда доберется, то и думать забудет о злосчастных столах.

Однако ж надо было не рассуждать, а делать дело. Смешав порошок ивовой коры с чабрецом и цветами вереска, девушка добавила полученный состав в тихонько булькавшее в огромном чугунном котле варево. Дым от пламени в очаге кольцами поднимался вверх и выходил сквозь многочисленные отверстия в ветхой крыше.

По прошествии времени эль забурлил более основательно и от котла повалил пар. В комнате сразу же сделалось душно и влажно, резко запахло солодом и душистыми травами.

Клио взяла деревянную миску и погрузила ее в кипящую жижу. Немного зачерпнув из котла, девушка дала элю остыть, после чего сунула в него палец. С помощью этого нехитрого прибора, дарованного ей самой природой, она

определяла степень текучести и густоты напитка, а также необходимую клейкость, которой был обязан обладать всякий уважающий себя эль.

Насколько Клио могла судить, напиток был готов.

Она поднесла миску к губам, сделала глоток, и тут же из ее горла вырвался ликующий вопль. Да и как ей было не радоваться: ведь перед ней находился первый котел с элем, который был сварен в замке Камроуз ее собственными руками! Клио захотелось петь и смеяться. Она сделала еще один глоток, снова испустила радостный вопль и оторвалась от своей миски, лишь когда услышала, как старая Глэдис забормотала что-то хриплым голосом.

– Я ведь предупреждала тебя – будет буря! – каркнула старуха. – А ты не верила!

Как была, простоволосая, Глэдис выскочила за дверь и помчалась по двору в своих развевающихся черных одеждах.

Клио прикрыла ладошкой рот, чтобы не расхохотаться, но стоило ей поднять глаза, как сразу же всякое желание смеяться у нее пропало, будто его и не было.

В дверном проеме, сложив руки на груди, стоял Меррик. Лицо его потемнело от гнева, будто грозовое небо, глаза метали молнии, а их выражение не сулило Клио ничего хорошего.

8

– Замковый колодец завалило! – гаркнул Меррик и, сделав два шага в глубь пивоварни, огляделся вокруг.

Можно было подумать, что он специально явился в эту убогую постройку, чтобы отыскать причину обрушившейся на него напасти. И, как ни странно, он ее отыскал! Недаром он был уверен, что корнем и средоточием всяческого зла является леди Клио, которая стояла сейчас рядом с булькающим котлом и глупо хихикала.

Меррик устремил на нее мрачный взгляд, который вполне соответствовал его душевному настрою. Он заметил, что счастливая улыбка, сиявшая у нее на лице до его появления, сразу же улетучилась. Это почему-то вызвало новую вспышку раздражения у графа, и он страшно рассердился на себя. Не хватало еще, чтобы такая ничтожная вещь, как улыбка суженой, влияла на его настроение!

Отвернувшись от Клио, Меррик большими шагами пересек окутанную паром комнату и оказался рядом с металлической цистерной для воды, к которой были подсоединены старые железные трубы. Эти трубы, как он уже выяснил, через отверстие в стене пивоварни выходили прямиком к колодцу.

Осмотрев насос и трубы, Меррик довольно быстро понял, отчего с колодцем случилась неприятность. Трубы были

слишком широки в диаметре, вода, устремляясь в них под большим напором, подмывала стенки старенького колодца. В конце концов, стенки завалились, в результате чего обитатели замка в прямом смысле остались без единого глотка живительной влаги.

Меррик многозначительно посмотрел на Клио.

– Я разрешил вам, миледи, варить в замке эль, но откачивать из колодца всю воду до капли позволения не давал. Я бы кожу содрал с того идиота, который додумался провести трубы к колодцу!

На лице своей невесты он заметил выражение непокорности и упрямства, которое ему уже было хорошо знакомо и вызывало особенное его раздражение.

– В колодце, на мой взгляд, воды имелось в избытке, – заявила Клио, смахнув со лба белокурую прядь.

Прозвучавший в ее голосе вызов лишь подбросил дров в костер графского гнева.

– Именно, что имелось! Пока стенки колодца не обрушились. Теперь в замке вместо колодца глубокая дыра, заполненная до краев жидкой грязью.

Клио на мгновение прикрыла глаза: очевидно, это сообщение произвело впечатление даже на нее.

– А между тем, – продолжил Меррик свою обвинительную речь, – в Камроузе сейчас сотни людей – каменщики, строители, ремесленники, не говоря уже о воинах из моей дружины. Все эти люди проживают на территории замка, который

теперь напрочь лишен воды.

Леди Клио окинула взглядом выстроившиеся вдоль стен многочисленные жбаны.

– Пока будут копать новый колодец, милорд, ваши люди могут пить эль. Как видите, я наварила его в достаточном количестве. – Клио указала на огромный котел, стоявший на огне.

– Все это, конечно, прекрасно, но как быть с животными? – с иронией в голосе поинтересовался Меррик. – Или мне следует раздать свиньям, быкам и овцам пивные кружки? А что делать с коровами? Молоко у них начнет отдавать солодом и пряностями. Что вы скажете по этому поводу?

По лицу Клио было видно, что о животных она как-то не подумала.

Граф скрестил на груди руки.

– Что же вы молчите, миледи? Где ваша хваленая бойкость? Кстати, трудности на этом не исчерпываются. Каменщикам нужно замешивать раствор, чтобы скреплять камни новых построек. Или вы посоветуете им замешивать раствор на эле? А как пильщикам леса охлаждать раскаленные пилы? Как быть кузнецам, которым нужна вода, чтобы закаливать свои изделия?

Пока Меррик говорил, Клио все глубже погружалась в пучину отчаяния. Она нервно покусывала нижнюю губку и крутила на пальце материнский перстень. Но неожиданно ее лицо озарилось, будто китайский фонарик, внутри которого

затеплилась свеча.

– Все они могут пользоваться водой из замкового рва, – произнесла она, поднимая на Меррика блеснувший надеждой взгляд.

– Вы, очевидно, забыли, что мы собирались чистить ров. Сегодня поутру воду из него спустили на поля, – невозмутимо ответил он.

– О господи, – только и смогла промолвить девушка и опустила голову.

Надо сказать, это было первым проявлением обыкновенной женской слабости, которое ему удалось подметить в своей невесте с тех пор, как состоялось их знакомство. Поскольку Клио потупила глаза, Меррик тоже машинально взглянул себе под ноги и, к своему большому удивлению, обнаружил, что пол в пивоварне вымощен полированными каменными плитами. Старшина артели каменщиков уже докладывал ему об их пропаже. Более того, утром вспыхнула драка между каменщиками и строителями: представители двух разных цехов обвиняли противную сторону в воровстве.

За спиной Меррика кто-то кашлянул, и он повернулся на звук. Перед ним стоял один из тех двух заторможенных малых, что вечно таскались по пятам за его невестой, будто сторожевые псы. Парень переминался с ноги на ногу, и Меррик никак не мог взять в толк, что ему нужно – то ли передать какое-то известие, то ли просто выйти по нужде. В любом случае, этот престранный малый одним своим видом наве-

вал такую тоску, что хотелось побыстрее от него отделаться.

– Говори скорее, что тебе надо, И не маячь перед глазами, стой смирно.

– Вы позволите задать вам вопрос, милорд?

Меррик молча кивнул.

– Скажите, это не вы, часом, забрали отсюда стол?

Ничего не понимая, Меррик растерянно взглянул на Клио и увидел, что его невеста трясет головой и отчаянно жестикулирует, подавая парню какие-то знаки.

– Не имею представления, о чем ты говоришь, нахмурился граф. – Какой такой стол отсюда пропал?

– Не «какой такой» стол, а «тот». – Парень замялся и почесал в затылке. – А может, вовсе и не «тот», а «другой»? Что-то я уже запамятовал...

Не выдержав, Клио бросилась к Долговязу и стала оттеснять его к дверному проему.

– Да выбрось ты из головы эти столы, Долги! Сходи-ка лучше к меднику и узнай, как там Долби. Я посылала его заказать несколько новых чанов.

В следующее мгновение в пивоварню влетел, словно смерч, какой-то субъект в коричневом одеянии, и Меррик, мгновенно повернувшись к нему лицом, сжал в ладони рукоятку кинжала. Однако, как выяснилось, это был всего лишь заторможенный номер два. Клио слегка придержала его за плечи, чтобы он – по своему обыкновению – не пропахал носом землю у ее ног.

– Миледи! Миледи! – истошным голосом возопил парень. – Мы попали в беду! Прячьтесь скорее: вас разыскивает Красный Лев, а все говорят, что гнев его ужасен. Эти самые трубы, которые мы по вашему приказу сунули в колодец...

Тут парень увидел Меррика и замолчал, будто язык проглотил, в ужасе уставившись на него.

Некоторое время граф всматривался в бледные лица застывших перед ним людей, после чего отвернулся к окну. «Терпение, Меррик, – говорил он себе. – Терпение и мудрость – вот подлинные добродетели истинного христианина».

Однако ж эти две основные христианские добродетели, которые Меррик в себе старательно культивировал, снова подверглись испытанию, ибо в этот момент его взору предстала физиономия, в которой не было ни на гран христианского благочестия или смирения. В окно просунулась кудлатая седая голова с огромным крючковатым носом и выдающимся вперед костлявым подбородком. Черные глазки-буравчики так и сверлили графа. Судя по всему, это была та самая сумасшедшая старая карга, которая имела обыкновение жечь костры на окрестных холмах. Там, где горели ее ритуальные огни, небо заволакивало дымом, и оно начинало походить на лондонское. А уж над Лондоном небо воистину было ужасным – серое, мрачное, пропитанное дымом и копотью из тысяч труб и пробитых в крышах отверстий над очагами.

«Нет там никакой свежести в воздухе, – подумал Меррик, который терпеть не мог Лондона. – Не то, что здесь...»

Неожиданно его охватило странное чувство, до сих пор посещавшее его крайне редко. Оно было сродни ощущению, которое испытывает воин, проигравший сражение. Не говоря ни слова, Меррик пересек комнату, взял с полки рог для эля и, наклонившись над котлом, наполнил его. Потом, все так же молча, он выбрался из убогой пивоварни и, не оглядываясь, пошел прочь. Правда, выходя, он успел заметить, как Клио и два ее верных оруженосца обменялись между собой удивленными взглядами. Меррик, честно говоря, понятия не имел, чего они от него ждали. Может, и в самом деле боялись, что он сдерет с кого-нибудь кожу? Бог их разберет...

«Хорошо было бы начать этот день заново, – подумал он. – Или, еще лучше, заново прожить всю свою жизнь...»

Впрочем, ничего этого ему на самом деле не требовалось. В сущности, Меррику хотелось одного – чтобы леди Клио снова ему улыбнулась. Когда она ему улыбалась, у него появлялось ощущение, будто он сумел подарить ей весь подлунный мир...

В полном замешательстве Меррик шел по замковому двору, сам не зная, куда и зачем. Ему не хотелось нигде останавливаться, ни с кем разговаривать. В том месте, где каменщики уже заканчивали возводить новую стену, Меррику пришлось переждать, пока мимо проедут груженные лесом фуры. Все еще пребывая во власти овладевшего им сильнейше-

го душевного неустройства, он поднес к губам рог с элем и сделал большой глоток, после чего тыльной стороной руки вытер рот.

Эль был хорош, и это удивило графа. Некоторое время он смотрел на рог, а потом снова из него отпил. Напиток обладал непередаваемым ароматом, и Меррик удивился еще больше, поскольку долго странствовал по Востоку и знал толк в экзотических напитках, сдобренных разнообразными специями, в большинстве своем чрезвычайно редкими и изысканными.

Опершись спиной о свежевыбеленную стену, Меррик приник к рогу губами и пил до тех пор, пока рог не опустел. Хотя он и стоял в тени, на него вдруг повеяло почти уже забытым душным ветром пустыни. Чувствовал он себя премерзко – его обдало жаром, и по телу волной прокатилась дрожь. Казалось, возвращается застарелая лихорадка, которую он заполучил во время скитаний по Востоку.

В следующую минуту у Меррика появилось чрезвычайно странное ощущение, что в желудке у него поселились птички, причем много – целая стая. Помотав головой, чтобы избавиться от неожиданного головокружения и чувства противной легкости в голове, он отлепился от стены и на подгибающихся ногах побрел в сторону завалившегося колодца.

Однако, когда Меррик добрался до места, где землекопы рыли новый колодец, головокружение прекратилось, ноги обрели прежнюю силу, и его походка снова сделалась уве-

ренной. Некоторое время он стоял неподалеку, наблюдая за работой, а потом открыл рот, чтобы дать людям необходимые указания.

И тогда случилась совершенно невероятная вещь.

Меррик де Бокур, граф Глэморган, великий воин, носивший прозвище Красный Лев, сделал нечто такое, чего никогда прежде не делал за всю свою многотрудную, почти сплошь состоявшую из сражений и походов жизнь.

Он захихикал!

9

Утро в монастыре обычно начиналось с негромкого звона колокола, который с вершины собора призывал монахинь на молитву. Крестьян и жителей близлежащего города будило петушиное пение. Но в Камроузе людей ни свет ни заря поднимало на ноги мерное буханье тяжелого кузнечного молота. В скором времени к нему присоединялся стук инструментов каменотеса, потом в этот утренний концерт вливались новые звуки – звон оружия и хохот выходивших во двор замка солдат графа Глэморгана.

Клио сидела, позевывая, на своем соломенном тюфяке и потягивалась. Циклоп, устроившийся по обыкновению у нее в ногах, все еще спал. Спал и Грош – в стоявшем у кровати массивном подсвечнике. Он намертво вцепился когтями в его изогнутую ручку и спрятал голову под крыло.

Как только Клио сделала попытку подняться с постели, кот сразу же проснулся, пару раз чихнул, перекатился на спину и воздел к потолку все свои четыре лапы Клио почесала ему пухлый мохнатый живот, и кот довольно заурчал – как горшок, в который набилась целая куча шмелей. Когда же она отняла руку, кот приоткрыл свой единственный глаз и окинул ее взглядом вполне самостоятельного существа, которое знает, как нужно жить и как поступать в каждом отдельном случае.

Шум и грохот, долетавшие в ее спальню из внутреннего двора замка, напоминали раскаты летнего грома. Клио заметила на подоконнике пару воркующих белоснежных голубей, но, когда она, откинув одеяло, прошлепала босыми ногами по прохладным каменным плитам пола к окну, голуби снялись с места и, будто две белоснежные оперенные стрелы, взмыли в небо.

Эти голуби, по мнению Клио, были идеальной парой. Точно такую же пару составляли два пестрых заморских попугайчика, которых однажды подарил королеве Элеоноре иностранный посол. Королева была без ума от птичек и держала их у себя в покоях в золоченой клетке. Хотя пребывание Клио при дворе было мимолетным и оставило после себя не слишком приятные воспоминания, девушка тем не менее о попугайчиках не забыла. В те годы свою будущую семейную жизнь она представляла именно так – сплошь поцелуйчики, веселое чириканье и прыганье друг за другом с веточки на веточку...

Клио уселась на подоконник и предалась воспоминаниям о тех невозвратных днях юности, когда она искренне верила, что подобное счастливое птичье бытие можно воплотить в реальность.

Иногда Клио жалела о том, что ее девичьим мечтам не суждено было тогда же осуществиться. Теперь она смотрела на жизнь гораздо более трезво и ни на что особенно не уповала, тем более что между нею и Мерриком до сих пор

еще не было сказано ни единого слова о венчании. Все свое время граф отдавал перестройке и расширению Камроуза, Клио уже начала задумываться, уж не является ли замок более притягательным магнитом для Меррика, нежели она сама. Подобные мысли больно ранили ее самолюбие, хотя она ни за что не хотела себе в этом сознаваться.

Гордость не позволяла ей спросить у Меррика, когда же он, наконец, поведет ее к аналою. По этой причине Клио решила всем своим видом демонстрировать полнейшее равнодушие к этому вопросу.

Решить-то она решила, но легче от этого не становилось. По правде говоря, хотя вокруг нее всегда обреталось множество самых разных людей, Клио устала от одиночества. Ей требовался только один человек – муж, который бы ее любил, ласкал и лелеял и, кроме того, сделался бы ей другом. Это должен был быть близкий ей по духу мужчина, перед которым она могла бы раскрыться полностью, которому могла бы доверить свои мысли – даже самые потаенные, – не опасаясь того, что ее неправильно поймут или высмеют. Жизнь в семье представлялась ей единственно разумным способом существования человека, и она всей душой стремилась к созданию собственной семьи, тем более что ее родители умерли рано, и она с юных лет испытала горечь сиротства. Иногда Клио казалось, что она – хрупкий одинокий цветок, распустившийся по прихоти судьбы в бескрайнем пустынном поле. Это ощущение окончательно утвердилось в ее душе, ко-

гда умерла старая нянька – последнее близкое ей существо. Конечно, ее любили Долби и Долги, она это знала, ценила и – со своей стороны – отвечала им нежной привязанностью. Но любовь к этим нелепым существам являлась, по сути дела, лишь неравноценным заменителем другой, большой любви, в которой нуждается каждая женщина...

Клио, существо страстное и романтическое, мечтала встретить рыцаря, который в ее честь изобразил бы у себя на щите две цветущие маргаритки и возвестил бы тем самым – в соответствии с обычаем – о своей любви к ней. Такого рыцаря она была готова любить до конца своих дней.

Девушка вздохнула и, вернувшись к реальности, выглянула из окна, чтобы выяснить, как обстоят дела во внутреннем дворе замка. Там уже вовсю кипела работа, хотя солнечные лучи едва позолотили вершины холмов и черные силуэты деревьев на фоне этого золотистого свечения выглядели, как зубья огромной черной пилы, позабытой великаном.

Клио заметила Долби и Долги, которые направлялись на скотный двор – каждый на свой манер. Долби бежал к воротам вприпрыжку, Долги же ступал важно – как архиепископ Кентерберийский. За ним – столь же медленно и важно – двигалось небольшое стадо солидно похрюкивавших свиней. Клио рассмеялась: свиньи шли за Долговязом, будто за своим вожаком.

Услышав у себя за спиной шум, Клио обернулась и увидела молоденькую служанку по имени Далей, которая вошла в

спальню, чтобы наполнить свежей водой таз для умывания, стоявший на маленьком столике в углу комнаты.

– Далей...

– Слушаю, миледи.

– Лорд Меррик ничего не просил мне передать?

– Ничего, миледи.

Клио нахмурилась. Это ей не понравилось, и даже очень. Обыкновенно каждое утро Меррик посылал к ней своего человека, который объявлял, где и когда граф Глэморган желает ее лицезреть. Это было чрезвычайно на руку Клио, поскольку помогало ей претворять в жизнь свой план оттяжек и проволочек.

Подняв глаза, она обнаружила, что Далей все еще находится в комнате.

– Лорд Меррик с утра не объявлялся в замке, – сочла нужным добавить служанка. – Может быть, мне послать кого-нибудь на розыски?

– Ни в коем случае! – воскликнула Клио, но потом взяла себя в руки и сказала уже спокойнее: – Никуда никого посылать не надо. И вообще, Далей, ты мне больше не нужна. Можешь идти.

Далей вышла, притворив за собой дверь.

Клио быстро умылась и надела платье серого цвета, который совершенно ей не шел и делал ее лицо бесцветным и каким-то поблекшим. Волосы она собрала на макушке в пучок и украсила его множеством длиннющих булавок и разно-

цветных ленточек, какими крестьяне по весне убирают майский шест. Короче говоря, придав себе вид глупый и до крайности вульгарный, – но, разумеется, не заметив этого, девушка вышла из комнаты и помчалась по ступеням вниз.

Когда она проходила мимо главного зала, ее внимание привлекли взрывы оглушительного хохота, и она заглянула туда. За длинным деревянным столом сидело несколько рыцарей из дружины лорда Меррика. Они закусывали, потягивали что-то из кружек и хохотали при этом, как глупые деревенские парни на гулянье. Клио пришла к выводу, что воины Меррика слишком много пьют: другого объяснения тому, что взрослые, видавшие виды мужчины уподобляются деревенским идиотам, она отыскать не сумела.

Сделав вид, что ничего не заметила, Клио выбралась в замковый двор и поспешила к деревянному строению, в котором располагалась кухня. Дверь ее была украшена богатым орнаментом, который Клио хорошо помнила. Дело в том, что розы на нем были вырезаны по распоряжению ее бабушки и должны были – в соответствии с замыслом старушки – приносить удачу обитателям замка. Сейчас в Камроузе почти ничто не напоминало о том времени, когда в замке жила семья Клио, и оттого резной наличник над дверью кухни был особенно мил и дорог ее сердцу.

Когда она вышла из кухни, шаг ее сделался более легким и пружинистым, а на душе полегчало: она несла с собой завернутую в капустные листья добычу – крупную алую лес-

ную землянику, которой так любила лакомиться в детстве.

Поедая сочные ягоды, Клио прошла через двор, не обращая внимания на бродивших здесь гусей, которые, вытянув шеи, отчаянно шипели и пытались ухватить ее клювами за подол платья. По двору прогрохотала тележка медника, направляясь к кухне, откуда только что вышла Клио. Было известно, что медник горит желанием продать повару Камроуза кое-какую нужную в хозяйстве утварь. Повар же, чтобы сэкономить хозяйские деньги, был готов торговаться хоть до самой ночи: металлические изделия стоили дорого, и такой способ заключения торговых сделок вполне себя оправдывал.

Внезапно Клио услышала визг и обернулась. В тележке медника – в плетеных из ивовых прутьев клетках – сидели две свинки явно местного, камроузского происхождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.